

Наталья Щеглова

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Сборник стихотворений

С о д е р ж а н и е

Стихотворения

Пустыня замкнута во мне
Когда в годину испытаний
Поэт, что флейта в ангельских руках
Не постичь благодать вне любви
Редкое счастье на грешной земле
Средь бела дня и в полуночной мгле
Разбилось сердце
Я провожаю тебя на перроне
Каменя от боли
Ответ
Любовь, не облеченная в слова
Кровь и пепел
Пусть свеча собой согреет взгляд
Любить разрушенных людей
Твоя любовь – билет в один конец
В карцере очередного века
Душу выжгло золою
Причастие
Мой ангел дал обет молчанья
Донор
Звучит в душе последняя струна
На лицах старых площадей
Старик играл на медном саксофоне
С тобой из жизни уйдет то многое...
Кривые зеркала повествований
Я буду самарянкой у колодца
Ты помнишь дорогу нашу?
Не услышанная песня
В смиренной рубахе нашей плоти
Скажи, зачем творить дыханьем вечность?
На острых кинжалах страданья
Верность
Колизей
Человек в пустыне ищет Бога
Вера
Ангел-губитель
Непостижима благодать
Летели аисты
Мы молчали той полночью лунной
Март
Об умирающем времени
Сердце, брошенное в песках
Петь о надежде

Тени ангельских крыл
Одиночество всех мудрецов
Жизнь словно сумерки тесного грота
Друг - это тоже Божий дар
Когда сиреневое море на рассвете
Баллада о пастырях
Шаг в небеса
Я сожгу себя дотла
Робкой веры первый взмах крыла
Улыбка мадонны
Пусть коснется мысли или слуха
Сердце матери
Ты старых книг коснись рукой
Роняет сердце мертвые слова
Я открываю Евангелие
Я вспоминаю Тебя
Он ТАК нес крест...
Если я доживу до весны
Прекрасны ветра и дождей мотивы
Путь, истина и жизнь – Ты
Осень
Когда забытые мотивы оживают
Отпусти меня, Боже, из жизни
Небо прикасается к земле
Друг
За то, что ты в моей судьбе случилась
Человек навсегда одинок
В твоих руках звучит такая мука
Ничего не будем говорить
Мы носим в душе как священные шрамы
В два раза богаче, в два раза счастливей
Моя печаль - одинокий орел
В Твое незримое Лицо
Я подарю тебе сумерки нежные
В объятьях зачарованного сна
Прислушайся, от звезд струится вечность
Лунный диск среди россыпей звездных
С ностальгией трудно бегать в прятки
Расцветет Земля как нарцисс
Человек – это хрупкий сосуд

Из цикла «Библейские портреты»

Иисус в пустыне
Енох
Ной
Рахиль
Молитва Иова
Моисей
Самсон
Давид
Скорбь Иезекииля

Молитва Иисуса
Блудница
Монолог матери Иисуса
Послушай, когда я был мальчиком
Магдалина
Молитва апостола

Поэмы

Плач Иакова по Рахили
Сказание о древнем змие

*

Пустыня замкнута во мне,
Как в склянке горсть песка,
И в каждом часе, в каждом дне
Звучит ее тоска.
Я обречен родится в ней
И жить до самой смерти,
Переживая сто смертей
В житейской круговерти,
И хоронить в себе друзей,
Надежды и обиды,
Считать песчинки мертвых дней,
Любить и ненавидеть.
Но мне приснился странный сон:
Пустыни горький ад
Уходит в синий небосклон,
Преображаясь в сад.

*

Когда в годину испытаний
Померкнет свет, затмится высь,
Твоя симфония страданий
Неповторимая как жизнь
Достигнет самой горькой ноты, -
Душой усталою всмотришь
В бессилие распятой плоти
И трепет разделенных риз.

*

Поэт,
 что флейта в ангельских руках,
Так Духу Всемогущему послушна
Звучит его мелодия в веках
И наполняет
 светом наши души.
Ослепнув от сиянья чистых риз,
Пронизан
 откровенья светлой болью,
Он честно исполняет Божью волю,
Сердца людские
 жечь святым глаголом,
Не знающим пределов и границ.
Поэт,
 что флейта Божья между нами,
Рожден,
 чтоб сжечь свою живую душу,
Земными
 безыскусными словами
Дыханье неба светлого
 озвучив...
Дослушайте же эту песню,
 люди,
Сгорает сердце,
 времени в обрез,
Вот-вот расплавится
 живая флейта-чудо
От жаркого дыхания
 небес.

*

Не постичь благодать
 вне любви,
Вне тревоги,
 надежды и жажды,
Вне доверия встречному каждому,
Вне стремления душу отдать,
Вне потребности
 вместе страдать,
Вне всего, что живет
 и болит -
Не постичь благодать вне любви...
И когда
 ты отдал все что есть,
Спел для страждущих лучшую песнь,
Сжег себя
 в сострадания костре,
Сораспят на Голгофской горе,
Ощущаешь усталость
 и боль,
И тоску
 и безмерный покой,
Вот он в сердце - сияющий блик -
Благодати
 святой ореол.
Все равно ты ее
 не постиг,
Не постиг,
 не постиг,
 но обрел.

*

В. Г.

Редкое счастье
на грешной земле
Верить друг другу.
Редкое счастье на этой земле -
Понимать,
Душу расслышать
сквозь бури и вьюги,
Взглядом
озябшее сердце обнять.
И не случаен в путях Провиденья
Этот немыслимый случай -
Вдруг ощутить прикосновение
И осознать
созвучье.

*

Средь бела дня
 и в полуночной мгле
Цветут цветы страданья
 на земле
и разве есть всеильней вдохновенье,
Чем запах их, -
 в нем скорби и смирение,
Кровь, боль и слезы,
 затхлость нищеты....
И если Бога в сердце носишь ты,
То, корчась,
 как от смертного укуса,
Ты будешь сострадать,
 прощать,
 любить,
И грешникам,
 распявшим Иисуса,
Смирненно
 без укора ноги мыть.

*

Разбилось сердце
 звонко как хрусталь.
Разбилось от нечаянного взгляда.
Разбилось сердце.
 Странно - мне не жаль!
Просить прощенья
 глупо и не надо.
Неосторожный взгляд
 был пламенным как луч
Весеннего тоскующего солнца.
Как луч,
 что вдруг прорвался из-за туч
И растворился в тишине бездонной.
Но он задел
 те льды в душе моей,
Что сковывали вечные начала.
Разбито сердце
 и журчит ручей,
Живой ручей
 отрады и печали.

Я провожаю тебя на перроне,
Как безысходно гудят
 поезда...
Только в России
 такие просторы,
Что разлучат хоть кого
 навсегда.
Только в России -
 в безбрежной дали
Так отрешенно гудят корабли,
Так обречено колеса стучат.
Словно навеки
 разлуку сулят.
Только в России,
 ты слышишь меня,
Любят безумно,
 взахлеб,
 не дыша,
Словно сжигают все сердце дотла
В жертву тому,
 кому верит душа.
Только в России
 так смотрят вослед,
Словно расстались
 на тысячу лет.
Смотрят во след,
 сжав до боли уста
Молча, без стоны...
Стелется
 белой поземкой тоска
Вслед за последним
 вагоном.

*

Каменя от боли,
 живем без надежды,
Все мечты рассыпаются
 в прах,
Только пепел всего
 пережитого прежде,
Да горячий песок
 на губах.
Только гулкое
 небо сапфировой грусти,
Где рубиновых зорь
 догорает
 обман.
Наша жизнь – это нить
 пересохшего русла,
Что когда-то вела
 в океан.
И туда,
 в эту вечность,
 сквозь все суховеи,
Сквозь отчаянье,
 боль
 и беду,
Утопая в зыбучих песках
 по колено,
Вопреки всем смертям
 я однажды
 дойду.

Ответ

Как, расскажи мне, как
Выжить сквозь горечь и мрак?
Где, объясни мне, где
Мир обрести в нужде?
Кто, покажи мне, кто
Радости даст глоток?
Здесь я увидел вдруг
Пару беспомощных рук,
Вросших в остов креста,
Жаждающие уста,
Жесткий изгиб венца,
В темной гробнице свет, -
Это и был ответ...

*

Любовь, не облеченная в слова,
Живее всех живых переживаний,
Она горит, как рана ножевая,
В хитон молчания облачена,
И скрытая его тончайшей тканью,
Любовь на грани истины и тайны.
Она - не разрешившийся конфликт
Сокрытия и откровенья сути,
И вопреки течениям попутным
Она восходит медленно в зенит,
Скрывая золотистое сиянье
Завесой мглы, завесою молчанья.
И эту пытку самообладанья
Мы длим и длим, возможно, по инерции,
Ваяя жемчуг в раковине сердца,
И создаем прекрасное страданье,
Которое не в силах расточить,
Не в силах обнажить святыя раны,
Озвучив боли радугу словами,
Бессильными ее отобразить.

Кровь и пепел

Путь Божьей мысли
 к сердцу человека
Боль, кровь и пепел...
Над алтарем Его любви
 клубится ветер.
И в чаше сердца моего
 пустой и мелкой
Зола Его большой тоски
 и привкус смерти.
Путь Божьей мысли
 горек и тернист
Сквозь дым и пламя,
 сквозь смех толпы,
Сквозь дикий свист,
 сквозь плач органа,
Сквозь фальшь изысканных молитв,
Воспетых нами.
Путь Божьей мысли
 вечно чужд и странен, -
Сквозь литургическую глушь
 и своды храмов,
Сквозь оголтелость дискотек,
 борделей драмы.
Где одичавший человек
 врачуется раны...
Он мысль Свою до нас донес
 сквозь наши боли,
Сквозь вкус невыплаканных слез,
 сквозь мерзость гноя,
Пройдя весь этот скользкий путь
 до самой смерти,
А я дерзаю обмануть
 Его доверие.
Я запираюсь от Него
 в своей халупе,
И пью дешевое вино
 бесцельно, тупо.
Напрасно Он ко мне стучит, -
 я не открою.
Мое сознание молчит,
 душа – в запое.
И в сотый раз Он сердце сжег
 в моих паденьях.
Я позже выйду на порог,
 открою двери,
Рассвет зажег отраду дня,
 он тих и светел,
А на пороге у меня
Вновь –
 кровь и пепел.

*

Пусть свеча собой согреет взгляд...
Рядом ты - и боли не болят.
Рядом ты, мое живое чудо,
Пусть как вечность долгим вечер будет.
Ни рукой, ни словом не коснувшись
Грусти, что объяла наши души,
Свету улыбнись, моя святыня,
Свет - на свете лучшая пустыня.
Не спеша, разделим хлеб беседы,
Радости, тревоги, думы, беды,
В сумраке за трапезой вечерней
Трепетно светло и откровенно
И молчанье, и слова, и жесты...
Мы отныне даже порознь - вместе.

*

А. К.

Любить разрушенных людей,
Таких как сам, людей-руины,
Быть выше пафосных речей,
Сентиментальности наивной.
Их одичалость – твой портрет,
Он зашифрован в каждом жесте,
И в каждом взоре бездны след,
След пустоты и муки крестной...
Любить их молча и светло,
И вспыхнувшее в чьем-то взгляде
Взаимной нежности тепло
Беречь как высшую награду.

*

Твоя любовь –
 билет в один конец,
Она – страна,
 в которой остаешься
Без крова и гроша.
Гарантий выжить нет,
Но в прежнего себя
 ты больше не вернешься.
Твоя любовь –
 в загадочность билет.
В тот зыбкий мир,
 где гибнешь безвозвратно,
Немым очарованием
 заболев.
Надежды выжить нет.
И нет пути
 обратно.

*

В карцере очередного века
Убивали

душу человека,
Полюбившую
высокую свободу.

Не доби́ли.

Вывели к народу,
Камнепобиению предали.
Клубы гнева

долго оседали.

Ризы

распродали и раздали.
Отстрадали...

Мы гуманней поколений
прежних,

Мы прощаем
непотребных женщин,
Дарим жизнь насильникам,
убийцам.

Вглядываясь в подсудимых лица,
Мы со всем

готовы примириться.

Все проблемы

милостью решая,

Одного, как прежде, не прощаем
Прочим в назиданье

и в угоду, -

Не прощаем ни себе,

Ни Богу

Лишь свободу.

*

Душу выжгло золою
 фальши и пустоты.
Мир – грандиозная свалка
 разнообразной тщеты.
И чтобы в аду выжить,
 в этом чаду и в крови
Мне снова потребна доза
 Твоей неземной любви.
В который раз на грани,
 у жизни на краю
За каплю этой святыни
 я все, что есть отдаю.

Причастие

Вечного смирения урок -
Мукам Божьим
 снова удивиться...
Ломтик хлеба
 и вина глоток -
То, что голодающему снится,
То, что сытому
 не стоит и гроша,
Но, очистившись от лжи
 и безучастья,
Жизнь и вечность
 празднует душа
В таинстве
 священного причастья.

*

Мой ангел
 дал обет молчанья
И подвиг самообладанья
Свершает скромно
 день за днем,
А я не ведаю о нем.
Порою
 он готов кричать,
Но кротко вынужден
 молчать,
Он сносит
 с ангельским смиреньем
Все перемены в настроеньях
Моей изменчивой натуры
И чинит
 порванные струны
На арфе сердца моего.
Как имя светлое твое?
-
Согрев меня теплом своим,
Скажи,
 безмолвный серафим,
О чем душа твоя болит? -
- ...
Он слышит просьбу,
 но молчит.

Донор

Человек умирал.

Иссякавшая жизнь
Билась в пульсе аорт
чуть заметным пунктиром.
И дрожали вечерних небес витражи
Над готовым застыть в мертвой радужке
миром.

Жизнь, что слабая искра,
вот-вот догорит,
И останется лишь остывающий пепел.
Смерти привкус уже
ощутимо сквозит

В каждом блике
вечернего горького света.

Нужен донор...

И донор тихонько вошел,
Светом жизни
как хлебом решив поделиться,
Ординнарный допрос – и исход предрешен,
Процедура проста,
больше дня не продлится.

И белели вокруг не халаты врачей, -
Серафимов незримых
усталые крылья,

А умелые руки земных палачей
Принялись за работу
легко,
без усилия,

Нет кушетки больничной, -
есть жесткость креста,
Юмор дикой толпы, столь охочей до шуток,
Трость и губка,
смочить пациенту уста

Не водою,
а уксусной желчью цакуты.

*

Звучит в душе
 последняя струна,
Какое диво,
 что она еще цела!
И мы с тобою слушаем вдвоем,
Как робко и светло
 она поет.
Горит свеча,
 в окне стоит луна,
И плачет уцелевшая струна,
Благословляя
 радости и боли
С таким благоговеньем и любовью.
Я заслонюсь от пламени свечи,
Поскольку
 так пронзительно звучит
Во взгляде этот пламенный каприз,
Что сердце,
 разодрав покровы риз,
Вот-вот святыни духа обнажит.
Смычок луча колеблется,
 дрожит,
И нестерпимо это вдохновенье,
И вечно свято
 соприкосновенье,
В котором нет корыстия и лжи,
И страшно
 на пороге откровенья
Во храме обнажившейся души,
Доверчивой
 и пламенной сверх меры...
В ней оживают вновь
 любовь, надежда, вера.

*

Алеше

На лицах старых площадей,
Омытых горькими дождями,
Следы колес, следы людей,
Их попиравших дни за днями,
Следы времен, следы эпох,
Воспоминания о смутах,
Былое словно горький вздох,
Звучит в секундах и минутах,
Что, замедляя мерный ход,
Плывут над плитами гранита,
Всмотришься, ты чувствуешь? - вот-вот,
Морщины в каменных ланитах
Зашевелятся, оживут,
И мы с тобой услышим повесть
О коронациях царей,
О людях потерявших совесть,
О лицах пьяных палачей,
Об исповедях осужденных...
Мы в тихом шелесте дождей
Услышим шепот обреченных,
Услышим гонг, зовущий в битвы,
Услышим резкий треск костров,
Колоколов седых молитвы,
И святотатство бранных слов.
Историю с изнанки зная,
Ослепнув от ветров и вьюг,
Молчит живая мостовая,
Прощая равнодушный люд.

*

Старик играл на медном саксофоне
В прибрежном парке в гаснувший закат,
И таял звук как горький дым на фоне
Резвящихся вокруг скамьи ребят.
Прикрыв глаза, играл старик, как будто
Он воскурял священный фимиам
И, прошлое сжигая в каждом звуке,
Он словно заново всю жизнь переживал.
Стирала ночь следы осенних красок
Над гавани разомкнутым кольцом,
И было неподвижно, словно в маске,
Сухое изможденное лицо.
Играл старик, клубилась в кронах сосен
Его тоски невысказанной боль,
Похожая на тлеющую осень,
На слабый, умирающий огонь.
А в двух шагах от этой литургии,
Перешагнув порывистый прибой,
Богиня равнодушная в бикини
Скучала, глядя вдаль перед собой.
В ближайшем баре разливали пиво,
Над дальней танцплощадкой реял блюз,
И бриз вечерний смешивал лениво
С теплом и светом брызг соленых вкус.
Когда же в горьком аромате хвои
Последний звук был ветром растворен,
Ясней стал слышен метроном прибоя,
И лег на грудь усталый саксофон,
Весь мир мне показался вдруг монеткой.
На первой стороне ее светло
Сияло все огнистое и летнее,
Что набережной весело текло,
Толпа, цветы, неоновые лампы,
Беспечности цветной аттракцион,
А на другой - старик с пустою шляпой,
Обнявший словно друга саксофон.

*

С тобой из жизни уйдет то многое,
О чем не принято говорить.
Душа, проводив тебя у порога,
Как птица останется ждать и грустить.
Будет сердце - забытый замок
Или полуразрушенный храм -
Долго помнить "самое-самое
В этой жизни данное нам"¹.
Прости, это эхо песни прощальной,
Подаренной вещим поэтом.
Сердце мое - осколки чаши,
Твоими руками прежде согретой.
Руины - очень сильное слово,
Последняя форма бытия,
И память - бесценный живой осколок
В руинах, которыми стала я.

¹ М. Цветева

*

Кривые зеркала повествований
Доверчивых и легковых нас
Жестоко обрекли на путь скитаний
В изысканной пустыне громких фраз.
Безжизненны барханы тонкой фальши,
Ветра тщеславия трудились здесь века,
И мы уходим вглубь, уходим дальше,
Куда? - Бесспорно, истину искать.
Кривые зеркала истолкований,
Игра лучей превратного ума
Обворожительно тщету изображают,
Но не присуща сущности канва
Бесплотному немому отраженью,
Заложники игры воображенья,
Построив выводы непрочны на песках,
Мы обрекаем их на скорый крах.
И после тщетных поисков в пустыне
Тебя постигнет вдруг на полпути
Бездонный свет евангельской святыни
И суть ее высокой простоты.

*

Я буду
 самарянкой у колодца,
Приди,
 я дам Тебе испить воды,
Позволь мне
 сердцем обнаженным уколотся
О истины пронзительной шипы.
Зажглось во мне
 неистовое пламя
Не страсти,
 а печали и тоски
И то,
 что дальше будет между нами,
Сильнее
 человеческой любви.

*

О. Л.

Ты помнишь дорогу нашу,
Где мы с тобою вдвоем
Бродили вдоль леса и пашни
Сквозь ветер и снег с дождем?
Там мы искали ответы,
И тайн вековых ключи,
Мы вычисляли секреты
Космических величин.
И, помня, что не бессмертны,
Что наши дни сочтены,
Мы мерили вечными мерками
Дремучих веков версты.
Но истина-недотрога,
И новым искателям тайн
Останется наша дорога
И тот заповедный рай,
Где празднуют силу духа,
Где пробуют дерзость мысли,
И небо касается слуха
Обетованьями жизни.

Не услышанная песня

Ангел плыл
 в вечерней выси,
Пел он песню
 о вечном покое,
Город арфы его
 не слышал,
Он плакал над толпою.
И прозрачные слезы
Во свете реклам
 сгорали,
А песню
 заглушали
Моторы земных машин.
И таял в выси звездной
 горько
Легких крыл его
 прозрачный след,
Он таял,
 таял,
 таял горько
Легких крыл его
 прозрачный след.
И космические ветры
Уносили
 песню прочь,
А неоновые блики
Обесцвечивали
 ночь.

*

Христу

В смиренной рубахе нашей плоти
Ты жил,

 страдая долгих тридцать лет,
Трудясь без усталости

 до крови и до пота
В горниле наших горестей и бед.
Гримасами порока

 и отчаянья
Вокруг был искорежен

 каждый лик...
Живые воды истин изначальных,
Покоя исцелительный родник,
Который мы смешали

 с липкой грязью,
Ты нес в душе,
 чтоб исцелить больных,
Ты жил как раб,

 оставив титул князя,
Как узник в подземелиях сырых
Сходил с ума

 по вольным неба высям,
Ведь дом для сумасшедших -
 вся земля, -

Единственный на свете
 здравомыслящий,

Прости, что мы
 не поняли Тебя.

*

Пете

Скажи, зачем творить дыханьем вечность,
Целуя флейты хладные уста,
И воскрешать любовь и человечность? -
Душа как храм покинутый пуста.

Скажи, зачем ты возвращаешь пламя
В оставленный разрушенный очаг
И, расточая душу, хочешь с нами
Мелодию как теплый хлеб вкушать?

Зачем ты птицу сердца отпускаешь
В жестокий мир неверья и обид?
Мир откровенности наивной не прощает
И искренности чистой не щадит...

Но плачет флейта, и упрямый мальчик
Мечтает, веруя наперекор всему,
Очистить мир от пошлости и фальши,
И Бог с небес сочувствует ему.

*

*« ...потому что мы сделали
зрелищем для мира, для ангелов
и человеков».*

1 Коринфянам 4:9

На острых кинжалах страдания
Танцует босое сердце,
И этот немислимый танец
Зовется так просто - жизнь.
Не выстрадать сострадания,
хотя кровоточит сердце, -
Публика любит танец,
Который зовется жизнь.
На острых кинжалах боли,
На лезвиях зла и горя,
На лезвиях лжи и правды
Вершится жестокий суд.
И это не в нашей воле
Танец счастья и горя,
Танец этот кровавый
Прервать и на миг отдохнуть....
Тем звонче аплодисменты,
Чем горше твои мученья,
Чем больше в тебе терпенья,
Чем более ты артист.
Тем звонче аплодисменты,
Чем менее сожаленья,
Чем менее осознания...
Терпи, если ты артист.
В цирке родиться - доля
Самая-самая горькая,
Самая-самая жалкая
Из всех, что под небом есть.
И это не в нашей воле
Уйти со сцены доколе,
Фанфарами пустозвонкими,
Фанфарами старыми шаркая,
Звучит цирковой оркестр.
Под гулким вселенским куполом
Танцует босое сердце,
На острых ножах танцует,
Доколе наступит смерть.

Верность

Я пойду за тобой
по жнивью и по росам,
Босиком
по крутым, каменистым холмам,
Я останусь с тобой и тогда,
когда осень
Остановит ручьи
и настанет зима.
Я пойду сквозь ветра и дожди,
сквозь усталость...
Если все отрекутся и окажешься ты
В одиночестве горьком,
я рядом останусь
Я пойду за тобой
до последней черты.
Я пойду за тобой,
мы отправимся оба
Самым трудным и
самым тернистым путем,
Я пойду за тобой
по нелегким дорогам
Как Мария когда-то пошла за Христом.
И не важно,
что будет со мною потом,
Если ты
не восстанешь из гроба.

Колизей

Люди устали от жизни,
Люди
 хотят смерти.
Люди устали от жизни,
Люди хотят
 крови...
Жизнь - это кровь,
 поверьте,
Ей тесно,
 ей тесно в венах,
Рубите мечами оковы,
Жизнь
 отпустите из плена!
Эй, гладиаторы,
 к бою!
Пусть расцветут на арене
Пусть на песке
 заалеют
Яркие цветы смерти.

Качнется солнце
 как маятник,
Музыка - звон мечей...
Ну, хорошо,
 мальчики,
Повеселим
 людей.
Стервятники
 кружат над падалью -
Падалью
 будем мы,
Пусть стаи воронов
 каркают -
Жизнь - грязная воля
 толпы,
Стервятники
 на трибунах
Торопят
 чужую смерть,
Чем жить и каркать в их стае -
Лучше
 умереть!

...И пили все
 упоенно
Взглядами
 теплую кровь,
Хищно вкушая
 радость
В храме
 кровавых пиров.
Жизнь
 зрелищем алчным
 съедена,
А стая все голодна,
Арена - стол
 обеденный,
Где свет поглощает
 мгла,
Жизнь устьями ран
 струится,
В небытие и мрак,
А вороны
 требуют пищи.
И это
 доныне так.

*

Человек в пустыне ищет Бога.
Далека и призрачна дорога.
Где он - путь? Дорог в пустыне нет.
Миражей мерцает зыбкий свет.
Человек устал. Он хочет пить.
Мочи нет подняться и ступить.
Шаг вперед - быть может в никуда.
Человеку грезится вода.
Звезды высыпали к ночи - свет во тьме.
Но в песках на выжженной земле,
Человек не верит небесам,
Не по звездам ищет путь, а по следам.
И оставив славу неба синего,
К человеку Бог пришел в пустыню.
Он пришел в любви, в тоске, в тревоге,
Став водой и хлебом, и дорогою.

Вера

Сквозь тернии
 в душе,
Сквозь
 покаянья слезы -
Скупую благодарности росу,
Я веру сердца -
 сломанную розу
Несмело, Господи,
 тебе несу.
Сомненье
 опалило лепестки,
Увяли листья
 в зное искушений,
Надежды слабой робкие ростки
Обречены
 под гнетом прегрешений.
Я, спотыкаюсь,
 падаю,
 тоскую,
Но теплится в цветке покуда жизнь,
Я верую,
 что Ты меня такую,
Не укоряя, примешь
 и простишь

Ангел-губитель

Он шел устало долом низким,
Служитель неба, а не ада,
Не кровью был хитон забрызган,
А горечью предсмертных взглядов
Он видел то, что и не снилось,
Актерам конъюнктурных фильмов –
Всю гибели слепой немилость,
Весь ужас смерти непосильный.
Он шел страданием удрученный,
И сожалел с немим надрывом
О жертвах смерти обреченных,
О людях проходящих мимо,
Распознавая в лицах встречных
Святой и чудный образ Божий,
Что был пороком обесцвечен,
Разрушен пошлостью и ложью.
Омыв хитон в потоках ветра,
Очистив меч от струек муки,
Он думал взмыть в чертоги света,
Но некая усталость духа
Его порыв остановила,
И он пошел вокруг селенья...
Усталость – тоже форма силы,
Он ей отдался с наслаждением,
Его не замечая, травы
Косили люди на покосах,
От леса веяло прохладой,
Бесшумно испарялись росы.
Жужжали труженицы пчелы,
И в солнце утопали дали,
А ветер раздувал подолы
Берез, что поле окаймляли.
И, наслаждаясь чудом жизни,
Душою отдохнув от боли,
Он взмыл в безоблачные выси,
Мечтая о тех днях, в которых
Добра и зла турнир кровавый
Окончится триумфом света,
И меч его в музее Правды
Ржаветь останется на веки.

Непостижима благодать,
непостижима!
Ее лучи
сквозь мрак и смерть
 веки живы,
Ее тепло сквозь снег и боль
 дойдет, согреет,
И верность светлая ее преодолает
Неодолимость всех преград
 на белом свете,
Ей недоступных уголков,
 поверьте, нету....
И лишь один,
 и лишь один фатален случай -
Когда бессильна благодать исправить участь -
Она не в силах одолеть
 лишь сердца двери,
Что ты закрыл однажды сам
 ключом неверья.

*

Летели аисты сквозь сотни долгих миль,
Усталостью больших и мудрых крыл
Благословляя вешние поля,
В туманах радужных внизу земля плыла.
И девочка сквозь хрупкое стекло
Смотрела долго, веруя светло,
Что старое забытое гнездо
Вот-вот большие крылья осенят,
Что аисты вернутся, прилетят...
Им было трудно в том большом пути,
В холодных ветрах зыбкой высоты,
Но одолеть всю муку долгих миль
У птиц хватило слабых птичьих сил,
Поскольку, ожидая и любя,
На родине в них верило дитя.

*

Мы молчали той полночью лунной
Зачаровано слушая сосны,
Что протянуты ровно как струны
Ввысь к весенним мерцающим звездам.
Арфа рощи сосновой стонала
И о чем-то знакомом до боли
Пела гулко, светло и печально.
Повинуясь незримым ладоням
И тоске одинокого ветра,
Насыщая апреля симфонию
Вне привычного ритма и метра
Эхом вечной стихии, иронией
И изысканным отзвуком ретро.

Март

Твое лицо на фоне солнца
Лучится радостным теплом,
И взгляд все ярче и бездонней
Как зайчик солнечный светло
Мне в душу падает весенне...
Так много света и тоски
Звучит в нечаянном движенье
Ко мне протянутой руки.
И тают льды ненужной боли,
И в лето будущее верится.
И просится в мои ладони
Твое доверчивое сердце!

Об умирающем времени

I

В весеннем воздухе, дурманящем и пьяном
Опять закат безжалостно распят,
На призрачную жердь меридиана
Торжественно и трепетно подъяв
Вины недоказуемое бремя...
Высокая эстетика орбит
Бесстрастно окольцовывая время,
Плоть космоса пространственно дробит,
И льется свет, как откровенность крови,
Убийственной банальностью грешит
Сюжет космически-ритмических агоний,
Он как всегда предвосхитил финал,
Неповторимый вечер отпылал.

Стирая в прах зерно метеоритов,
Вращаются немые жернова,
Рождая новых звезд стереотипы
И новые рождая времена.
Безжалостно слепое мирозданье,
Здесь каждый новый миг приговорен
Погибнуть без суда и состраданья
На бойне галактической времен.
Но маховик вселенской мясорубки
И тысячи космических ножей
Бессильны раздавить святой и хрупкий
Свет нежности в оттаявшей душе
При взгляде в этот гаснущий закат
Дерзающей любить, желать, страдать.

II

Время делает шаг по канату вперед,
Занавесили сумерки очи...
День – убийцу себя – ничего не спасет,
И задуманной смерти ничто не отсрочит.

Напряженный канат, толпы праздных зевак,
А безумный старик-акробат
Хладнокровно вершит свой последний спектакль,
Но никто представленью не рад.

Мы не в силах, прости, что-нибудь изменить,
Закрываю глаза виновато...
И уже через миг в грязных лужах лежит
Тело дня, обгаренное кровью заката.

III

На закат, туда, где день умирал,
Слетались демоны, как стаи воронов,
Поживиться.
Мы – заложники времени,
Каждый день, уходя,
Забирает с собою частицу жизни.
Мы пленники уходящего времени,
Все ближе завеса мглы,
Печально, но в силу земной гравитации
Космической пылью не станем мы.
Даже по смерти не свободны,
Из бытия уходя,
Мы ограничены капсулой сферы.
Единственная свобода – внутри меня,
Свобода любви и веры.
И покуда живу ни на грош, ни на грамм
Я этой свободы демонам
Не отдам.

*

Сердце, брошенное в песках
Стало тихой скинией света,
В нем незримая Чья-то рука
Положила краюшку хлеба,
И пасхальную чашу вина
До краев наполнила жизнью,
Я ее осушаю до дна,
Пью потоки небесной мысли,
Но она как прежде полна,
А на том пьедестале, где прежде
Жили демоны, - Шехина²
Обитает в лучах надежды.
И в ее тишину и свет
Как в единственную судьбу
Ухожу от всего и от всех,
На всю вечность в Нее ухожу.

² Шехина (евр.) – животворящее сияние славы Божьего Присутствия, свет Его благодати.

Петь о надежде

Облака – сломанные крылья ангелов,
словно крылья обескрыленных бабочек
Их уносит на запад ветер,
И лучи умирающего солнца
Предвещают ночь.

Пусть, наступает мгла,
И отчаянье восходит полной луной,
В глухом и тревожном сумраке
Я буду петь о надежде.

Облака – груды легких перьев,
Ими устлана недоступная высь,
Их уносит жестокий ветер,
Но рассвета полоска узкая
Возвращает свет.

Даже если рассвет
Подарит день без солнца,
Сквозь порывистый ветер и дождь
Я буду петь о надежде.

Я буду петь о жизни
У самой кромки смерти.
Я буду петь о счастье
Над пропастью беды,
Я буду петь о радости
В скорби и одиночестве,
И верить в силу правды
Всему вопреки.

*

Тени ангельских крыл,
 что скользят по земле,
не видны в полумраке, в отчаянья мгле.
Но случилось,
 что радостный блик благодати,
озарил горький путь,
 словно луч на закате,
словно солнечный луч
 в мгле заплаканных туч,
сквозь осеннюю муку и пасмурность дня
тихий свет благодати,
 объемля меня,
заструился с высот,
 над тоскою полей,
он звучал, он собою меня наполнял,
и увидела я на дороге своей
и на темном холсте распростертых равнин
эти светлые тени,
 тени ангельских крыл.

* * *

*«И когда настал вечер,
Иисус пошел на гору помолиться»
Евангелие*

Одиночество всех мудрецов
на планете
Не сравнится
с твоим одиночеством.
Звезды жмутся к луне
сиротливо как дети,
Каждый час твой
сверяя с пророчеством.
От росы от ночной,
от седой и холодной
Не укроет хитон -
лишь впитает росу...
Из дневной суеты,
из пустыни бесплодной
Ты привел одинокую душу
к Отцу.
И молитва твоя
в высшей степени подлинна
От того, что мы глухи
как бесплодные степи,
От того,
что земной твоей стало родиной
Одиночество
в высшей степени.
Твой Отец понимает...
Один во вселенной!..
Радость, жажда
и боль растворились в глазах.
Ты беседуешь с Ним
на усталых коленях,
Запрокинув тоскующий лик
в небеса.

*

Жизнь словно сумерки тесного грота.
Солнечный свет и луны позолота
Зыбкие блики рождают в тени.
Снятся мне светлые ризы Твои.

Дождь Твои ризы обшил бахромою,
Свет облаков - серебристой каймою,
Радужный отблеск сквозит в белизне
Риз твоих чистых, что грезятся мне.

В ризы прощенья и в ризы спасенья
Ты одеваешься в День Примиренья,
А на закате - в ризы покоя
С бархатно-нежным багряным подбоем.

Ризы тоски, состраданья, печали
Долго служа, от времен обветшали.
Слышу я тихие шорохи их
В горьких утратах и болях моих.

Муки и радости сердца Всевышнего
Всеми оттенками радуги вышиты
Тонкими нитями чувств непростых.
В ризнице светлой Святого Святых.

*

Друг - это тоже
 Божий дар,
А Божий дар -
 святыня, -
Как свет, как воздух,
 как вода
В безжизненной пустыне.
Друг - это тоже
 Божий дар,
И я, благоговей,
Смотрю на друга своего
В счастливом
 изумленье.
Какой же щедрый
 наш Господь -
Слуга и царь вселенной,
Когда Ему для нас
 не жаль
Таких даров
 бесценных.

*

Когда сиреневое море на рассвете
Сквозь сон целует тихо берега,
И запахами тающего лета
Пропитаны туманы на лугах,
А сосны вдоль прибоя источают
Прозрачной горечью звучащий фимиам,
Душа безбрежный мир благословляет
Как древний уникальный Божий храм.
Когда заря еще не затопила
Безумным заревом небесную постель,
Благословляешь сердцем нежность мира
Как зыбкую родную колыбель.
Мы вскормлены как дети вечной милостью,
Теплом и щедростью небесной высоты.
Мы все однажды родились и выросли
У алтаря любви и красоты.

Баллада о пастырях

Юный пастырь положил душу за овец.
Он умирал в мохнатых лапах льва,
Искра слабая света еще жила
В его глазах, но он знал, что это конец.

А дома - тепло очага,
Ласковый взгляд отца,
Вкус свежеевыпеченного хлеба
И сок виноградных гроздей...
Что-то изменить слишком поздно.
Он не придет из этой степи.
До родного крыльца
Далека дорога -
 длинною в небо.

Юный пастырь, разве овцы, которых ты пас,
Стоят так много, разве жизнь не дороже?
Вновь придет лев, и ты уже не поможешь,
Не думай. Что ты всех спас.

Но вспыхнул на миг его взгляд,
И твердо он сказал
Шепотом еле слышным, но внятным,
Похожим на шелест листьев:
Вижу я охотников лица...
Завтра же утром стрелы отца
Поразят среди скал
 тебя.
Ну а стадо пасти
 мои младшие братья будут.

Шаг в небеса

Пустыня - зной и песок,
усталость...
Ни сил, ни веры уже
не осталось.
Пустыня – жизнь без воды,
без хлеба.
Пустыня кончается там,
где начинается небо.
А небо зыбко звучит
ветрами,
Лаская душу мою
миражами,
Но если верить в мираж,
я знаю,
Пустыня окажется вдруг
преддверием рая.
Пустыня в душах,
в глазах – пустыня
Все наши песни и сны – о пустыне,
Она – развеянный прах Едема,
Пустыня кончается там,
где начинается небо...
Но чтобы сделать шаг в небеса,
Нужно повиснуть
на брусьях креста.

*

Христу

Я сожгу себя дотла
 в этом горе,
Я сожгу себя дотла
 в этой боли,
Я сожгу себя дотла
 и, воскреснув,
Вновь сожгу себя дотла
 в новой песне.
Я сожгу себя дотла
 в этом счастье,
Я отдам себя огня жгучей власти,
Видишь, пепел и зола -
 все, что было,
Стали пеплом и золой
 время, силы.
Я сожгу себя в Тебе
 полной мерою,
Потому что я в Тебя
 сердцем верую,
Потому что я люблю...
 Мне не страшно.
Жизнь в тональности Тебя -
 не напрасна.

*

Робкой веры первый взмах крыла -
И душа просторы обрела.
Пусть полет несмел и неуверен,
И еще пугает высота,
Но небес безоблачно доверие,
И ушла из сердца пустота,
Ведь его переполняет свет,
Солнце правды, ветер вдохновенья,
Безграничность вечного прощенья,
Обещанья будущих побед.
Крыльям веры суждено летать,
Постигая чудо-благодать,
Словно мука долгого распятья -
Вечная тоска по благодати,
Заболев которой, обречен
Ты вкусить святое Божье царство,
Искупленья горькое лекарство,
И взлететь над бездною отчаянья
В небеса родные и бескрайние.

Улыбка мадонны

Добрачный сын
Мариин Назаретской,
Ты в плоть до самой смерти на кресте
Не вырос
из мечтательности детской
И оказался в гулкой пустоте.
Мы думали, что Ты
как все на свете
Ждешь почестей,
престола и побед,
Лишь притворившись
нищим добродетелем, -
Конечно, мы судили по себе.
Все наше равнодушие
и насмешки
Часть горькой чаши,
той, что молча пил...
Прости, хотели мы в корысти грешной,
Чтоб ты не притчами,
а хлебом нас кормил.
Мы думали,
ты выглядишь безумцем,
На деле же - немыслимо хитер.
Все, даже мудрецы и вольнодумцы
Не поняли идей твоих простор.
От Вифлеема
и до смертных стонов
Азартно гнали в сети
словно дичь,
Мы взяли все -
от крови до хитона,
Не силясь даже что-нибудь постичь.
Но светом слов твоих непостижимых
И хлебом неземной твоей любви
Мы выжили, и мы
доныне живы
Как хищники, пролитием крови.
Вместить не в силах
даже дух смиренный
В молитвах, в покаяньи и посте
Весь ужас искупленья,
оттененный
Улыбкою мадонны на холсте.
Не оттого ли образ ясноокий
Улыбкою художник осветил,
Что нас
таких убогих и жестоких
Оплакать
не достанет слез и сил?

*

Пусть коснется мысли или слуха
Высший смысл немислимых затей, -
Небо верит в смертных нищих духом
Грешных и беспомощных людей.

Царство Вечное им будет как награда,
Та, к которой так непросто шли...
Небо верит в тех, кто ищет правды
На путях неправедной земли.

Тщетна сущность грандиозных планов,
Суть блаженства вечна и проста:
Не в мечи и копья великанов, -
В силу кротких верят небеса.

Чистый сердцем узрит в вышних Бога,
Миротворцу - полной чашей мир,
Тот блажен, кто на земной дороге
Отворил слепому неба ширь.

Неустанно без речей красивых,
Без того, чтоб ранить и корить
Слабыми руками милостивых
Добрые дела Господь творит.

Обнищав душой от истин ложных,
К вечной правде причастив уста,
Вдруг постигнем мы, как непреложно
В нас с тобою верят небеса.

Сердце матери

маме

Наполненное
 скорбью и любовью
Оно разбилось звонко
 пополам
И, разломившись,
 истекая кровью,
Себя приносит молча
 в жертву нам.
Оно всегда болит
 с таким надрывом,
Переживая горечь
 наших ран...
И нервов обнаженные
 разрывы
Беспомощно махрятся
 по краям.

*

Ты старых книг коснись рукой, -
В них пульс ушедших поколений
И белый пепел впечатлений
На скалах вечности седой.

Немое зеркало страниц
Кричит о том, что позабыто
И толщами веков укрыто
От наших равнодушных лиц.

Открыв обложки саркофаг
Ты словно открываешь море,
Где мужество с ветрами спорит,
Мерцает сквозь туман маяк.

И набегают волны строк,
На дне - развалин древних груды,
И корабли разбитых судеб
Врастают в ил или в песок.

Как волны на песке морском,
Так мудрой буквы начертанье
Запечатлит в твоём сознание
Все отзвучавшее в былом
Под гулким сводом мирозданья.

*

Роняет сердце мертвые слова -
Страданье разрешается бесстрашьем.
Бесстрашие - оно- второе счастье...
Трезвеет, остывая, голова,
Уж не влекут загадочность и странность,
И сердце бьется холодно и просто,
Бесстрашие как жесткая короста,
Одевшая собой живые раны.
И пустоту напоминает взгляд,
Бесстрашие - стабильность и надежность
(Обратное обходится дороже)...
Пусть боли прежние так гулко не звучат,
И не тревожат страхи и мечты,
Не трудным стало самообладанье,
Но дар сочувствия и муки состраданья
Нечаянно навек теряешь ты.
Бесстрашие - синоним глухоты,
Самодостаточности жалкая гримаса,
Подумай под железной этой маской
Сокрыты настоящие черты,
Естественные сильные движенья
Души, рожденной праздновать лишенья,
Переживать святые откровенья,
Смеяться, плакать, петь и ликовать,
И Божий светлый Лик отображать,
А Господу присуща не бесстрастность,
А полной мерой горькое страданье,
Он делит с нами смерть и наказание,
Хотя в Его святой великой власти
Впасть в неприступное
и жесткое бесстрастье.

*

С пересохшей душой
я открываю Евангелие,
Чтобы послушать
нагорную проповедь.
Я растворяюсь в толпе
У холма
возле моря.
Скажи, учитель в простом хитоне,
Какая
из Твоих непостижимых
формул
Объяснит мне сегодня
глубины бытия,
Разрушит метастазы моего "Я"
И сотворит
из мертвой пустыни сердца
Сад, посреди которого -
дерево жизни?

Я вспоминаю Тебя.

Целую ночь лил дождь,
Земля вспоминала Тебя
Церкви и храмы тянули кресты
В темную высь.
Мягким светом мерцали воды,
По которым Ты шел однажды,
И камни, к которым ты прикасался –
излучали свет.

Пусть ветер развеял прах тех времен
В небе над спящей землей,
Пеплом стал мой страх, - я пойду за Тобой,
И не важно, что станет со мной,
Совершенно неважно, что станет со мной.
Я хочу быть с Тобой.
В дождливую ночь
Вместе с грустной землей
Я вспоминаю Тебя.

Тихое пламя свечи
Согреет земной неуют,
Тихая музыка хрупких минут
В сердце звучит,
И я вспоминаю те годы,
Все Твои труды и невзгоды,
Когда ты пришел как нищий
В этот горький мир.

В шелесте тихом страниц
Под плач проливного дождя
Вдруг оживают холмы и поля
И сотни лиц,
И я вспоминаю ту чашу,
Что тебе предстояло выпить,
Когда ты пришел как странник
В этот горький мир.

Пусть ветер развеял прах тех времен ...
Пеплом стал мой страх...
Я пойду за Тобой...

Он ТАК нес крест...

Он нес свой крест
покуда силы были,
Сжав пересохшие
разбитые уста.
И даже после,
когда гвозди вбили,
Он продолжал несение креста,
И нес, прибитый крест
сквозь душный
страшный полдень,
Разлившийся окрест...
Не крест его, а Он
свой крест над миром поднял,
до треснувших в грозе
как занавес небес.
Он нес свой крест,
сводило грудь и плечи,
Казался вечной мукой каждый миг,
Но то, КАК Он нес крест
С толпой свершило нечто,
И даже сотник истину постиг.
Он ТАК нес крест
над далями отечества,
Над временем своим
и даже вне времен,
Что вдруг ответственность
за судьбы человечества,
За жизнь неведомых
языческих племен,
Была осознана так явственно
и просто,
Что правда жизни, втопанная в грязь,
На каменной груди
Голгофского утеса
В свой полный рост
над миром поднялась.

*

Если я доживу до весны,
Мы с тобой
 погрустим на закате
В зеленеющем поле,
 где бродят весенние сны,
Где смешались все запахи
 с гулким сердечным набатом,
Где случайные лужи
 как светлое небо ясны.
Мы с тобой погрустим
 возле белой березовой рощи,
Если я доживу до такой нереальной весны. -
И беспечные птицы
 нам долгую жизнь напророчат,
Увлажнится тропа
 под дыханьем вечерней росы.
Мы с тобою в полях
 встретим ясные спелые звезды
И в сто тысячный раз
 мы опять ощутим и поймем,
Что священна как жизнь эта радость
 сквозь боли и слезы
Благодарно молчать
 и беззвучно молиться вдвоем.

*

Прекрасны ветра и дождей мотивы
И звуки ангельских волшебных голосов,
И пенье струн серебряных на лирах,
Таинственны глубины мудрых слов,
Аккорды славословий и обетов,
Тебе, Господь, воспетые с хвалой,
Но обретаю я себя не в звуках этих,
А лишь в безмолвии, наполненном Тобой.

*

Путь, истина и жизнь - Ты
Тупик, ложь и смерть - я.
Зачем было Тебе, скажи,
Рисковать ради меня?
Вода, хлеб и свет - Ты.
Жажда, голод и мрак - я.
Зачем было Тебе, скажи,
Умирать ради меня?
В сердце тихо зарделся свет.
"Если веруешь, чадо Мое, -
Зазвучал беззвучный ответ, -
Мы с тобою уже одно.
Хлебом стань и живой водой,
Светом стань, приемля Меня,
Ради Божьей любви святой,
Ради ближнего, что не свят,
И тогда ты не спросишь уже,
Рисковать и верить зачем ".

*

Осенью, осенью, осенью
Я тебя в саду подожду.
Осенью, осенью, осенью
На плечи руки положу.
Будет дождик плакать накрапывать,
Словно стесняясь слез,
Умирующие листья оплакивать
Облетающие с грустных берез.

Разве только листья умирают?
Листопад - не в счет...
Умирующее время ветры отпевают.
Умирующее время течет.
Умирают звезды на пути на млечном,
Вздрагивают стрелки на часах...
Но любовь - она остается вечной,
Потому и радость сквозь слезы в глазах.

Осенью, осенью, осенью
Радость сквозь слезы в глазах.

*

Когда забытые мотивы оживают
В душе уставшей пить немую боль,
Уснувшие надежды воскресают,
Как шорохи в обители лесной,
Как всполохи зарниц неповторимых,
Как ветер, предвещающий грозу,
Которая разбудит все, что живо,
И вытеснит из жизни пустоту.
Предчувствием забытых ожиданий
Мерцает мглой одетый горизонт,
И чувствуешь вот-вот весна настанет,
И нежность в мертвом сердце оживет.

Отпусти меня, Боже,
из жизни
В небеса,
в седину облаков,
В своеволие ветров капризных
И в смиренную синь васильков.
Как и всем,
мне досталось с лихвою
Полной чашей
и хамства и лжи.
Отпусти
вместе с желтой листвою,
Буду слушать, как плачут дожди,
Как растут
под сугробами травы,
Как бегут по земле
поезда,
Как, ручьев
открываются раны
И поет над прудами
звезда.
Неподъемна
как вакуум
усталость,
Тучи никнут,
дождями звеня,
Здесь уже
ничего не осталось,
Что пленит
и удержит меня.

*

Небо прикасается к земле
Снегопада дымчатой завесой,
В поле, окаймленном редким лесом
Небо прикасается к земле.

Переходит в землю небосвод
Нежными неяркими тонами,
Чистыми безмолвными снегами,
За чертой проселочных дорог.

Поле переходит в небеса,
В облачном безмолвье растворяясь,
От всего земного отрешаясь,
Поле переходит в небеса.

Друг

Он не кривит душой толпе в угоду,
Не ловит ветер популярных мнений
И никогда не ропщет на погоду
Моих непостоянных настроений.

А если у меня беда случится,
Душа моя от боли онемееет,
На красный свет он без оглядок мчится,
И непременно вовремя успеет.

*

Оленьке

За то, что ты в моей судьбе случилась,
Я подарить хотела бы тебе
Букеты расцветающих восходов
И грусть закатов на большой земле.
Ты помнишь? Каждый вечер гуси белые
Нам приносили сказку перед сном,
И все, что мы с тобою вместе делали,
Незримо становилось волшебством.
С тех пор, как догадалась ты родиться,
В моей судьбе святая сказка длится.

*

Человек навсегда одинок,
У беды безысходной во власти
Он живет в онеменье бесстрастном
Словно крошечный бледный росток,
Что, пробившись сквозь глину и камень,
Попадает под жесткий сапог,
И молчит, попираемый нами.
Человек навсегда одинок,
И не надо дешевых иллюзий,
Обещаний обманчиво-грустных
Или делано-радостных слов,
Сладкой фальши участия - не надо,
Человек навсегда одинок, -
Это горькая-горькая правда.
Человек до тех пор одинок,
Когда в самом несчастье великом
Ощутит сквозь отчаянья смог
Славу светлого Божьего лика.
И услышит усталой душой:
"Я всегда, Я навеки с тобой!"

*

Лиле

В твоих руках звучит такая мука,
Когда, касаясь струн, они скользят,
И сцены напряженная излука,
И в замеревшем зале каждый ряд
Как будто ждут рожденья этих звуков,
В волшебный песни стон вовлечены,
И плачут вновь страдающие руки,
На полотне прозрачном тишины
Штрихами набегающих созвучий
Воссоздавая чутко хрупкий строй;
И каждый зритель - добровольный мученик -
Взошел на сострадания костер
Во имя правды, заключенной в песне,
И мы все чище стали в этот час,
Учась страдать и радоваться вместе,
Святыне сопричастности учась.

*

Ничего не будем говорить,
Пусть душа сольется с тишиною,
Светлою небесной бирюзою
Хочется усталость утолить.

Есть неизмеримо долгий миг -
К таинству немое прикосанье,
Откровенность подлинна - в молчанье,
Если дух твой к вечности приник.

Облака целуют высоту,
Пьют заката медленную пытку,
И тебе на память как открытку
Я дарю всю эту красоту.

*

Мы носим в душе
 как священные шрамы
Влюбленности первой
 не детские раны,
В ней сдержанной нежности
 тихая песня,
В ней трепет порыва
 и ревности резкость,
В ней правды кристаллы
 и горечь обмана,
Она – словно
 айсберга глыба в тумане.
И сердца фрегат
 прекрасный и хрупкий
Разбит о его ледяные уступы.

*

Женечке

В два раза богаче, в два раза счастливей
Я стала в тот миг, когда ты родилась.
Мы вместе смеялись и вместе грустили -
У детства и вправду великая власть.
Мне вместе с тобою воспитывать кукол
И вместе тобою учиться читать,
Мы празднику жизни учили друг друга,
Учили друг друга любить и мечтать.
И если глаза твои грустными стали,
И если печаль овладела тобой,
Мне в тысячу раз тяжелей и печальней,
Чем если бы это случилось со мной.

*

Моя печаль -
 одиноким орлом
У тебя на плече.
Начало начал -
 моя любовь,
она - вся тьма ночей,
вся тьма ночей,
мерцанье звезд,
 вся солнечность дней...
Не будет слез,
лишь грусть и свет
в тоске моей.

Моя любовь -
 одиноким орлом,
Он горд, он строг...
Не нужно слов,
 молчанье, боль,
простор дорог,
 простор дорог, века разлук
и хрупкость мечты
как легкий звук
в движение крыл
 услышишь ты.

И память - вольный
 белый орел,
она с тобой.
Не потерять
 все, что обрел,
когда ты был со мной.
Минут прибой
 шелестит в ночи,
птица с тобой, она молчит.
В разводьях волны
 переливы огня -
лунный блюз...
Ты слушаешь свет,
 вспоминаешь меня
и чувствуешь грусть.

*

В Твое незримое Лицо
Всмотреться робким взором веры,
Наощупь, как ослепший – двери –
Найти Тебя – в бессмертье вход.
Найти Тебя... В свирепой вьюге
Стопой нащупать нить тропы,
Нащупать колеи пути,
Ведущего к жилой лачуге.
Найти во тьме и в лютой стуже,
Оставленный Тобою след,
Ведь Твой животворящий свет
Нам больше хлеба в жизни нужен.

*

Я подарю тебе
 сумерки нежные
В тающем дне уходящего лета.
Тонких колосьев,
 закатом согретых
Длинные тени струятся
 небрежно,
Низкое солнце
 за грань горизонта
Прячет улыбку лучистого света,
Мглою прозрачною
 призрачно тронут
Неба восток.
 Созерцая все это,
Молча, идя по проселку вдоль речки
После
 немыслимо долгой
 разлуки
Мы будем слушать
 молчанье друг друга
И трескотню
 сумасшедших кузнечиков.

*

В объятьях зачарованного сна,
В гробу хрустальном мартовских морозов
Спит пленница - красавица весна,
А на сосульках навернулись слезы,
И солнце, словно храбрый Елисей
Сквозь тучи к милой силится пробиться,
Спешит вперед на огненном коне,
И пленнице уже венчанье снится.
Он разобьет хрустальный саркофаг,
Оденет ей фату цветущих вишен,
Из ледяной пещеры первый шаг
Навстречу свету сделает. Но слышишь? -
Еще зимы-колдуньи власть сильна,
И ледяную повесть ветры пишут,
А все-таки жива красавица-весна,
Прислушайся, она тихонько дышит.

*

Прислушайся,
от звезд струится
вечность,
Искрится снег
лилово-голубой,
И каждая снежинка в этот вечер
Мечтает стать
небесною звездой.
Мерцает
лунный свет
на белых крышах,
Деревья индевеют в серебре...
За то люблю тебя,
что ты умеешь
слышать
Доступное
лишь в полной тишине.

*

Лунный диск среди россыпей звездных
Добела раскален от мороза,
Сереблятся сугробов откосы,
На ветру леденеют слезы.
И ступая ногами босыми
Он идет полями и лесом
По заснеженной зимней России
Царь распятый, Царь Иудейский.

Босоногий Царь без короны,
Царь презренной отверженной черни,
Всех отрад на земле просторы
Дышат светом Твоих речений.
Всех печалей глубокие дали
Утешенья твои излучают.
Прокаженных дрожащие длани
Благодарно тебя осеняют.

Ты прошел земным бездорожьем
Чтобы смертным сияла вечность,
Чтоб утраченный образ Божий
В ликах наших вочеловечить.
Царь единственный, настоящий,
Слышишь, звонницы даль огласили?
Воцарись, создай и властвуй
В исстрадавшейся нашей России,
Покаянно к Тебе припавшей.

*

Папе

С ностальгией трудно бегать в прятки...
Так угодно, видимо, судьбе, -
Моя маленькая родина Камчатка,
Я всегда тоскую о тебе.

У планеты нашей на задворках,
Ты, задумавшись, ступила в океан,
Оторочен кружевом прибоя
Твой цветастый летний сарафан.

Ты по осени кухляночку³ пурпурную
Бисером брусники разошьешь,
Инеем серебряным ажурным
Брови и ресницы подведешь,

Зябко-зябко поведешь плечами,
Провожая взглядом клин гусей,
Никому не выразишь печали
И тоски не выразишь своей.

Сдержанная, строгая, простая, -
Мужества тебе не занимать,
Твой народ без слез умеет плакать
И страдать, и молча умирать.

Холодность твоя снегов лазурью
Не сумеет обмануть меня,
У вулкана, под заснеженною грудью
Бьется сердце жаркого огня.

Ты умеешь быть горячей, страстной,
И порывистой, как гейзера струя.
Я лечу к тебе в слезах от счастья,
Здравствуй, здравствуй,
РОДИНА моя!

³ Чукотская национальная одежда.

*

Исаия 35:1

Расцветет Земля
 как нарцисс,
И на полюсе южном
 прорастет кипарис,
А на полюсе северном
 будут ландыши петь,
И над всею планетой
 будет счастье звенеть.
Ты назначишь свидание мне
 в Едемском саду.
Неземная, красивая я туда
 прибегу,
Улыбнусь благодарно,
 все на свете любя,
И в застенчивой нежности
 поцелую тебя.

*

Человек — это хрупкий сосуд.
В нем высокая вечность течет,
И бесшумен таинственный ход
Нам отмеренных небом минут.
В звонкой склянке струенье песка,
Заключенный в стекло ручей -
Это притча о жизни моей -
Иссякание и тоска.
Контур вечности очертил
Силуэт песочных часов,
Цифра восемь — закон основ
В бесконечности величин.
Иссяканье, тоска печаль...
Но все тверже верую я,
В возвращение бытия,
В обретение новых начал.
Этот час, этот миг придет —
НЕКТО склянку перевернет!

Из цикла «Библейские портреты»

Иисус в пустыне

Нити дорог золотистые,
Цепи холмов вдоль пустыни,
Сколько веков ты постилась
В поисках света и истины?

Звезд твоих взоры с надеждою
Взглядом встречаю пристальным,
Долго целую с нежностью
Жилки ручьев серебристые.

Слышишь, моя Иудея,
Зноем ветров опаленная,
Как мое сердце болеет
Болями всех влюбленных.

Царь твой - рабом тебе стану,
Преданным буду и верным,
Ты мне подаришь на память
Крест и корону из терний.

Ты - как вопрос без ответа,
Гордая, темноглазая,
Песня моя недопетая,
Притча моя, недосказанная.

Енох

*«... ходил Енох с Богом, и не стало его...»
Книга Бытие.*

Библейский праведник Енох,
Ты по-другому жить
не мог...
Тебя пленил бессмертный Дух,
И к миру слеп,
и к миру глух,
Ты жаждал праведных дорог....
Он, всеми позабытый Бог
Тебе доверился как друг.
Ты приручил как птицу Дух.
И эта дружба –
тайна двух
Звучала песней...
Мир был глух,
Мир слеп к сокровищам души.
Ты уходил в поля.
В глуши,
В немом безлюдье чащ лесных
Ты видел
неземные сны,
И славу Божью в синей выси,
Ты осязал
движенья мысли
Таинственного Божества,
И каждой клеткой естества
Ты весь
Ему принадлежал
И жить иначе не желал.
Енох – как луч,
Енох – как вздох,
Енох – как ветра дуновенье...
Растаял луч,
растаял вздох,
Осталось только
удивленье,
И емкость лаконичных
строк.

Н о й

Ной больше века работал как плотник,
плотник - тот же священник,
Поскольку древесина свята,
она как плоть агнца священна.
Первые люди на земле
не рубили деревьев.
Дерево живое. Срубить дерево -
убийство.
Они жили и верили,
Что шорохи листьев -
слова и вздохи,
Рожденные в глубине ствола...
Насколько мы более стали жестоки,
Чем наш праотец Адам!
Но позже земля разлилась
И Бог велел Ною рубить деревья,
Стволы стонали,
листья кружились как перья
Птицы,
которую настиг коршун.
Ною было проще
Отказаться,
чем поднять на дерево руку.
Глубинами сердца он слышал
невывезанную муку
Безгласного зеленого существа.
Как кровь струилась смола.
Свежие щепки,
как крохи живого естества
С плачем откалывались от ствола.
Но деревом ковчега,
люди и звери спаслись от суда.
Ной вышел, когда сошла вода,
И плакал, созерцая,
Трупы слонов и деревьев,
В то, что он спасся,
трудно было поверить.
Повсюду выступали скелеты
Кедров и гигантских секвой,
наспех погребенные ветром
под щебнем и песком.
Снято руно и кожа
со всей обреченной планеты,
Вода - ее чистая кровь.
Суд - это жизнь и смерть.
И над смертью этой
Засияла любовь
В образе радуги
вечной надеждой.
Дерево сохранило Ноя,

Как Адама кожаные одежды,
Как нас спасает от гнева
 жертвенная кровь.
И там, у ковчега над жертвенником
Бог повелел есть плоть.
Этим выжили люди. Взгляни,
 под жертвенником зола.
Это плоть и дрова
 жизнью выжженной
Зажигают для нас радугу огня,
Плоть и дрова умирают, обнявшись,
 как два брата.
Их объятья вечны и святы
 в жертвенном вдохновенье.
Дерево и плоть —
 символ спасенья.

Рахиль

Пусть шелестит плакучей ивой грусть,
Твоя печаль живет во всех влюбленных,
Светильник твой не угасает пусть
Среди холмов, ветрами опаленных.

Как сон: колодец, поцелуй, стада,
Семь лет надежд, тревоги, ожиданий,
Семь лет разлук, счастливых грез, труда
И у источника за городом свиданий.

Пестреют мадиамские шатры
За горизонтом, что в просторах тает,
Неведомые правила игры
Любовь твою калечат и ломают.

Кочевье, пыль, усталость и жара,
Но с милым рай эдемский и в пустыне,
С утра до вечера и снова до утра
Тоска, печаль и нежность не остынут.

Пусть суховеем обожгли уста
Превратности судьбы, окрашенные болью,
Но память о тебе священна и чиста,
Поскольку ты оправдана любовью.

Молитва Иова

Если честно,
я у пропасти
на краю.
Если честно,
я так больше не могу...
Зачеркнуть бы жизнь,
как фразу, как строку,
Слишком много горечи
одному.
Слишком солон он -
мой насущный хлеб,
Слишком долг он -
мой тернистый путь.
Утешенье - смех,
утешенье - бред.
Радость - это в пропасть шагнуть.
Отпусти, Господь,
все ветра
Отнести меня
как осенний лист
В эту пропасть
небытия,
И за эту просьбу
прости.

Моисей

I

Сорокодневная
горячая бессонница
И Шехины⁴ немыслимое солнце,
Синай, подавшийся в живое небо,
Сорокодневный пост,
а вместо хлеба
Таинственные буквы...
Божье Слово,
Огнем струясь с перста Его святого,
На плоскости нефритовых скрижалей
Питало душу,
утоляло жажду.
Слова, слова
как огненные капли
Сливались в гулкий ливень благодатный,
И сорок дней
шел этот вещий дождь,
Который слушал на вершине вождь
Двенадцати Израильских колен.
Как при потопе –
долгих сорок дней...
Должны очистить мир от скверны зла
Слова обетованья и суда,
Слова благословенья и проклятья,
Великие священные заклатья.
Две плоскости нефритовых скрижалей...
Слова на них тихонько остывали,
И поражали и пугали глаз,
Распятые на камне
ради нас,
Окаменевшие как мумии навеки,
Чтобы убогий разум человека
На ощупь взял
и съел небесный хлеб,
И, съев, ожил, прозрел и не был слеп.
Живой закон
Господь убил как агнца,
Распял на плитах, вытесанных старцем;

⁴ Шехина (евр.) – сияние славы Божьего Присутствия

Безбрежность мысли
 глубиной в века
Словами нашего земного языка
Он ограничил,
 и могучий Дух
Витал над мертвой плотью древних букв,
Чтоб осенить сознание тех,
 кто верой
Усвоит этой жертвы смысл безмерный...

Синай,
 сорокодневная бессонница
 И Шехины немыслимое солнце,
 Пришедшее из выси голубой
 Скрижали сердца
 обогреть собой.
 Гора Синай на выжженном плацу
 И с Богом человек лицом к лицу,
 Бог-Дух,
 которому предела нет
 И смертный человек,
 влюбленный в Свет.

II

Мoiseй Сепфоре:

Ты погасила лампаду в шатре,
Долго ждала - до утра.
Смолкли цикады на ранней заре,
Солнцу вставать пора.

Мрачно клубится в глухой тишине
Белым туманом обрыв...
Яхве назначил свидание мне
На голой вершине Хорив.

Как рассказать о сияньи лица? -
 Это как радость и жизнь,
 Это как смерть - постиженье конца...
 Свет, излучающий мысль.

Где-то поодаль от звона лучей
Тайны веков - Шехины -
Ангел, играя на флейте своей,
Не нарушал тишины.

В звуках рождался бескрайний покой
Смешанный с жаждою жить,
Множилось слово, как луч золотой
В каплях прозрачной росы.

А братьям его –
слишком много.
Он сорок дней
на арене огненной
Самозабвенно работал
для них
И каждый жест
был действительно подвигом,
Был аккуратен и чист
каждый штрих,
Он был соавтором
их великого завтра,
Их будущей свободы,
Он добывал для них зерна
правды,
Правды живой воды.
В его напряженной с Яхве беседе
Каждой мысли и фразы изгиб -
Все было отрадой,
все было победой,
Но публика решила, что он
погиб.
Решила, она - представление окончено,
Циркач дошутился – всем урок.
Уж слишком,
пожалуй, много хочет
От грешных
ревнивый
невидимый Бог.
Не нужно людям небесного хлеба -
Священного слова Торы,
Земля роднее
пустого неба,
В небе нет опоры...
Нам вкус земного тлена
и праха
Приятнее огненных истин.
Мы дети рабства,
мы дети страха,
Рабы вражды и корысти...
И плакал вождь,
закаленный в пламени
От бессильной ревности
и печали,
Глядя на стан
разнузданных пьяных
И на осколки
скрижалей.

Самсон

Книга Судей Израилевых, 16:4-31

Мои враги
 пируют шумно,
Зло потешаясь надо мной,
Я зверь,
 я раб в цепях чугунных,
Предатель,
 циник и изгой.
Слепому
 видятся яснее
Незримой истины пути.
В своей немой мольбе
 последней
Я небу вымолвлю:
 «Прости!»
Босой,
 в изодраной одежде,
Замру в проеме двух колон,
И вспомню все,
 что было прежде,
Как яркий и короткий
 сон...

...Она вошла
 как входят стрелы,
Как в сердце
 входит сталь ножей,
И сдвинула опоры веры
Как два столпа
 в моей душе.
Я рухнул словно храм
 бессильно
К ее божественным ногам,
Отрекся от небесной силы,
Забыл друзей,
 простил врагам.
Да, я ослеп,
 мне все затмили
Ее лучистые глаза.
Святыни –
 невесомей пыли,
Померкли в радужных лучах
В душе родившейся надежды,
Обещанной ее теплом.
Кто был как я
 обманут прежде,
Надеждам верует
 с трудом.

Но я поверил.
Приручила
Обманутого дикаря
Ее невидимая сила,
Ее искусство
покорять.
Да, я позволил приковать
Себя
к душе неповторимой,
Как к жерновам,
которых власть
Возмездием мне стала
ныне.
За каплю женского тепла
Я предал
вечные уставы,
На женский образ променяв
Всевышнего с Его мечтами,
За все платить
пришла пора,
Моя богиня
без печали
На звон пустого серебра
Любовь Самсона
разменяла.
Я верил ей,
как верил Бог
Когда-то мне в былые годы,
Но почему-то я не мог
Всерьез принять
Его невзгоды
И одиночество Его,
И о свободе нашей планы.
Я выбрал
вечно быть рабом
В пределах вражеского стана.
Теперь невыносимо болит
Во мне
свободы искра Божья,
В слепой душе она горит,
Испепеляюще-тревожно.
Я обманул
Его надежды,
Мне был так сладок тот обман,
Как горек ныне
мрак безбрежный,
Бессилья полного капкан.
Как Ты любил меня мальчишкой,
Господь,
когда я в детстве рос
С глазами дерзкими излишне,
С копною буйною волос!

Я обладал
 Твоей душою,
Как эта женщина –
 моей,
Она моей любви не стоит,
А я – Твоей.
Я жизни пожалел Тебе,
Она вся –
 бунт и отречение,
Я знаю,
 оправдания нет
Моим дешевым прегрешеньям
Я жил
 запутано и сложно,
Но прошлого не вернуть...
Позволь
 хотя бы смерть,
 о, Боже,
Твоим надеждам
 посвятить!

Давид

Усталой арфы
горькая струна
Тоскливо повествует
о печали
И песня так пронзительна с начала
До самого конца.
Стоит луна
Над тихими холмами Вифлеема,
Горит костер,
лежит лепешка хлеба
И мех с водой из ближнего ручья.
Печаль души с луной обручена,
Она поет о тайне
и разлуке,
О жажде
видеть светлый Божий Лик.
Перепелов ночных плачевный клик,
Цимбалы обезумевших цикад
Взахлеб,
пристрастно,
звучно и не в лад
Поют хвалу душистой вешней ночи,
Устало слушающей вздохи овчих стад.
И арфа,
в лунный свет вплетая звуки,
Вновь начинается с самого начала
Святую песнь
о правде и печали,
Которую струят душа и руки,
О вечной и неисцелимой муке,
О страсти
лицезреть Священный Лик
И о завесе,
что скрывая славу,
Увидеть Дух Творца не позволяет,
Поскольку Бог
убийственно велик.
Но юноши безумного мечта
Так далека от глупости амбиций,
Она скорей тоска,
желанье слиться
С улыбкой светлой Вещего Лица,
Мечта уйти как в путь
в пустыню света,
И созерцать без хлеба и питья,
Уста,
родившие глубины бытия,
Глаза,
лучащие закаты и рассветы.

Об этом плачет арфа до зари
Остыл костер,
 и хлеб лежит не тронут,
И лунный лик, бледнея,
 не горит,
И струны сердца, надрываясь,
 стонут:
Царь Вечности,
 что длится без конца,
Яви,
 яви нам чистый свет Лица,
Мглу разорвав
 как ветхую завесу,
Явись, о Яхве,
 тем, кто сердцем чист...
Терзает арфу
 юноша-арфист,
Звучит его страданьем
 тишина
И, опустившись с неба
 Шехина,
Неосязаемо,
 прозрачно и светло
Целует отрока
 в горячее чело.

Скорбь Иезекииля

*«...Я возьму язвою утеху очей твоих,
но ты не сетуй и не плачь, и слезы да
не выступают у тебя...*

*И после того, как я поутру говорил
слово к народу, вечером умерла
жена моя...»*

Иез. 24:16-18

Из равнины, где до сумерек были мы
В окруженье толпы
Я ушел в прибрежные холмы.
Никого нет со мной,
И все же, - со мною ты.
Луна и вода, ты и луна.
И сейчас ты одна
Звучишь во мне как тревожный крик
Птенца, выпавшего из гнезда.
Мне из толпы сегодня сияло твое лицо,
Также, как в этот миг
Из озера лунного света кольцо
Глядит на меня..
Большие воды не могут погасить огня,
Если этот огонь - любовь.
Но, знаешь, мне проще любить врагов,
Чем тебя.
Сегодня я говорил слова,
Которые доставал из глубин бытия,
Как добывают жемчуг из моря..
Я забыл обо всех, я хотел, чтобы ты поняла,
Что любовь и вера - сильнее горя.
Я хочу еще раз прочесть тебя,
Как священный таинственный свиток,
Я хочу постигать тебя,
Как волнующий редкий напиток.
Но только усилит боли объятья
Та нежность, от которой пытаюсь уйти.
Песочные часы моего счастья
Вот-вот обозначат конец пути.

Молитва Иисуса

Ты один понимаешь меня.
Я хочу на простор,
Я устал как от мглы и удушья...
Самый страшный террор
Террор равнодушия...
Ты один понимаешь меня.
Самый тяжкий недуг -
Глухота, поразившая души,
Надо мной замыкается времени круг,
Все, что я созидал разрушено,
Я остался один,
От меня отрекается даже родня,
Я для них сумасброд, неудачник раввин ...
Гаснут, гаснут последние искры огня.
Ты один понимаешь меня.

Блудница

Плыл туман за Иорданом. Утро тлело
Небо звездное поблекло, опустело.
Как изодранный хитон на смуглом теле
Стыл туман над Иорданом ключьями.
Стены города холодные и прочные
Окольцовывали сердце каменно:
Шла она к Вифании неприкаянно.

Шелестели сизые в росе оливы.
Шла она из города торопливо,
В покрывало куталась пугливо.
Под ресницами густыми как от стужи
Прятала от всех нагую душу.
Шла, страшась на белый храм обернуться.
Ей бы до свету домой вернуться.

За холмом настиг беглянку рев шофара⁶
Как пророчество о страшной Божьей каре
Плечи дрогнули и съежились бессильно.
Жертва утренняя к небу возносилась.
И застыла плоть ее униженно
Соляным столпом на склоне выжженном.

Впереди вставало солнце пламенно
Правдой неисполненной на скрижалях каменных.
И она не знала, что воочию
Этим днем в земной пыли на площади
Будет сердцу эта правда явлена,
И пронзит ей душу синеоко
Взглядом Галилейского пророка.

⁶ еврейский музыкальный инструмент, труба из бараньего рога.

Монолог матери Иисуса

Так себя истощать - это лишнее...
Очень жаль, но, должно быть, ты слеп.
В твоём царстве - одни только нищие,
Потому что им надобен хлеб.

Мое сердце усталое мечется.
Толпы мытарей, блудницы, сброд
Всякой черни и всякой нечисти
За тобой по дорогам идет.

В твоё царство идут бесноватые,
Им твой мир вовсе чужд и далек,
А вождей и людей богатых,
Ты, признайся, ничем не привлёк.

Царь слепых, царь немых, хромоногих,
Жадных мытарей и потаскух,
Погляди: этот люд убогий
К твоим притчам и слеп, и глух.

И в твоей непосильной борьбе
На кого опереться тебе?

Монолог Иисуса

Послушай, когда я был мальчиком
и бегал по Назаретским холмам один,
Я мечтал, что в будущем
из меня выйдет самый мудрый раввин.
И здесь, вдали за Назаретом,
среди холмов и полей у ручья
Я построю синагогу.
Я вставал на камень и кричал:
"Дух помазал меня...
Эта белая синагога
для вас, нищие, для вас слепцы,
Для вас, прокаженные,
для всех, кому отцы
и вожди нации
не уделили души и тепла"...
Журчала в ручье вода, вода текла.
Я брал камешки гладкие
и влажные
И мечтал, как люди из Назарета
простые и очень важные
Заполнят эту синагогу,
самую красивую на свете,
У ручья на песке будут играть их дети.
Люди из Назарета
полюбят друг друга,
обнимут,
Не только больных и нищих,
они в свою синагогу язычников примут.
И под кровлей моей синагоги
из мрамора белого
Родится царство небесное,
Оно пойдет по земле и сделает
Все, о чем пел Исаия,
Лев и ягненок будут пастись, играя
возле ручья с детьми
у моей синагоги.
Но когда я вырос,
однажды после долгой дороги,
Возвращаясь домой из пустыни
Я пришел в Назарет.
Зыбко сумерки стыли.

Торопясь помолиться
 к ручью в холмы,
 Я замер, приближаясь.
 Не было слышно плеска воды...
 Камни светились,
 как мертвые строчки
 Вдоль русла пересохшего ручья.
 В строчках проступали слова
 дерзко и смело:
 "Ты не сделаешь из нас хлеба!"...
 Тебя и твою утопию
 здесь завтра побьют камнями.
 Не будет синагоги
 с детьми, играющими со львами,
 С кимвалами, звучащими
 в вечернюю пору,
 С язычниками, принявшими тору.
 Покорись,
 если хочешь жить на свете.
 В жизни все наоборот,
 чем мечтают дети".
 Знаешь, многое понял я
 В ту глухую ночь
 у высохшего ручья.
 Могильный камень -
 вот моя синагога, -
 все спящие во прахе, жаждущие Бога,
 Судеб их иссохшие русла
 Бороздят лик Времени
 морщинами грусти.

Магдалина

I

В час,
 когда нахлебавшись
 вина и утех
Разбредаются гости
 под шутки и смех,
Под зевки
 и икоту отрыжкой хмельной,
Семиглавый дракон
 остается со мной.
Он ревнив и могуч,
 изощрен и жесток,
Мой владыка незримый,
 мой невидимый бог,
Мне и страшно и сладко
 слабой пленницей быть,
Полумертвую душу
 с ним как тело делить.

II

От вина и страсти
 кругом голова,
Прилипают к памяти
 скверные слова,
Но порой безжалостной
 пыткою огня
Имя Всемогущего
 мучает меня.

III

Друг мой, сотник, в новых медных латах
С длинным шрамом на крутом плече.
Он, наверное, неплохо мне заплатит
За хороший ужин и ночлег.
Ты меня не помнишь, видно, малый,
Ну чего так смотришь на меня?
Видишь, женщина идет без покрывала,
Поворачивай за ней коня!
Понял... Отвечает долгим взглядом,
Я поправлю на плече кувшин,
Легкою походкой мимо сада,
Мимо серебрящихся маслин,
Улицей вдоль глиняных заборов, -
Возле них друзья мои сидят, -
Я иду, потупив долу взоры,
Оборачиваясь изредка назад.

*

Бедра
 обвяжу персидской шалью,
Занавешу локонами
 спину,
Как приятно
 после всякой швали
Встретить
 настоящего мужчину!
Ароматно стынет щедрый ужин,
Он не ест,
 он ждет меня к столу,
В полумраке сумеречных кружев
На красиво застланном полу.
Я сплела ему
 венки из лилий,
Налила в светильники елей,
Как он ест не жадно
 и красиво,
Вздрагивая крыльями бровей.

*

Бывают дни прозренья
 и удушья,
Когда в порывах боли
 и тоски
Отчаяния смерч
 во мне растущий
Разламывает сердце
 на куски.
Бессонные глаза рукой прикрою, -
Устала от гнетущей пустоты...
Как перед смертью:
 хочется покоя,
Покоя
 и душевной чистоты.

IV

Качнулись навстречу полосы
Наезженной колеи...
Прочь руки, не рвите волосы,
Куда меня повели?
Меняются в пляске зверской
Земля и небес глубь,
Чей это знакомый перстень
Впечатался в мои губы?
Ослепла, почти оглохла,
Иду в лапы смерти,
Чтоб руки у вас отсохли,
Вы сами не лучше, черти!..

*

Храм
 безучастно высится вдали
С калеками
 и нищими при входе,
Пылает зной...
 Она лежит в пыли
И медленно
 с трудом в себя приходит.
По площади, что стала вдруг
 пуста,
Дымится в пыль растоптанная глина
И тихий голос мудрого Христа
Звучит как песня
 в сердце Магдалины.
Иссяк толпы людской поток,
Не споря и не возражая.
- Никто не осудил?
- Никто.
- И я тебя не осуждаю.

IV

Я знаю, завтра, чуть забрезжит свет,
Врачуя язвы, исцеляя раны,
Вычерпывая горечь наших бед,
Ты станешь проповедовать у храма.
И в час полуденный, когда народ пойдет
Под сенью крыш возлечь и пообедать,
Когда тебя никто не позовет
С ним трапезы изысканной отведать,
Для нищих разостлав кусок рядна
С нехитро приготовленной едою,
Я протяну тебе кувшин вина
И хлеб с любовью испеченный мною.

*

Ты говори,
 я помолчу
На берегу ручья
 живого,
На берегу
 Твоей души.
В молчанье,
 как в лесной глуши,
Трепещут крылья
 птицы-слова,
Улыбке - светлому лучу
Доступны пряди струй
 прозрачных,

От сердца
 ничего не спрячешь, -
Ты говори,
 я помолчу.

*

Не пойду во искушение,
Не пойду,
От опасных тропок
Сердце уведу.
Буду мудрой,
Буду честной и простой,
Облеку слова и мысли
Чистотой.
Я боюсь случайно
Или сгоряча
Это счастье хрупкое
Топором сплеча,
Имя твое честное
Грязью замарать,
Дьяволу и людям
Для потех
Предать.

V

Бог во плоти, Бог-Дух во прахе,
В последний день свой на земле
Зачем Ты шел в пустыню страха,
Чтобы морщины на челе
Усталость вывела резцом,
Чтобы толпа "распни" кричала,
Чтоб львица скорби растерзала
Родное матери лицо?

Зачем Ты пил часы агоний,
Из чаши гнева, чаши мук,
И окровавленных ладоней
Не отнял из солдатских рук?
Хитоном тьмы окутав крест,
Твое нагое тело скрывшей,
От смерти, сердце сокрушившей,
Зачем не спас Тебя Отец?

Ты звал Его, а Он - оставил...
Чего тебе Он не простил
И вместо царства вечной славы
Венцом позора осенил?
Награда за твои утраты -
Венец кровавый - царский знак;
В гиене огненной заката
Чертог царя - могильный мрак.

VI

А за Вифанией вечерняя звезда
В извилины тернового куста
Вплела бесшумно хрупкие лучи,
И свет ее как музыка звучит.

Пусть город, за день выбившись из сил,
Ворота на засовы затворил
И в каменных объятьях древних стен
Благословляет летней ночи плен.

Дорога за Вифанией пуста,
Я слышу трепет каждого листа...
А город, погруженный в чуткий сон,
Ревниво заслоняет Элеон.

Молитва апостола

Пусть страдания непомерны,
Не прошу ни благ, ни силы,
Подбери мне саван смертный -
Обстоятельства кончины -
Может острый меч булатный,
Пламя жаркого костра
Или жесткие объятия
Наспех сбитого креста,
Может камнепобие, -
Или пытку линчеванья...
Облеки меня в смирение,
Словно в саван погребальный,
Саван смертный, небеленый,
Саван грубого холста,
Шитый иглами терновыми
Знаком Божьего креста.

Плач Иакова по Рахили

поэма

Пролог

Мне поведал ветер
древнюю молву,
как однажды летом
рано по утру
в дальнее кочевье,
в зной и в пыль
проводжала мужа
грустная Рахиль.
Провожала мужа,
не сводила глаз,
так порой прощаются
и сейчас.
Никли руки тонкие,
горькие без сил,
ветер беспокойно
платье теребил...
И оливы юные
За ее спиной
Тихо состадали
Их любви большой.
У того колодца,
возле старых скал,
где ее впервые
он поцеловал,
грустная стояла
на ветру Рахиль,
полыхал белесо
реденький ковыль.
Незаметно блекли
звезды в вышине,
плакали цикады
в выжженной траве.
И сказал Иаков,
глядя ей в глаза:
«Я вернусь родная,
вспоминай меня...»
Это с ними было
в сто десятый раз,
но она как в первый
не сводила глаз.
И об их святыне
Сотни лет подряд
Старые оливы
Грустно шелестят.

Иаков – Рахили:

Ветер, ветер, ветер,
Думы до утра,
Зло терзает ветер
Зыбкий склеп шатра.
Тучи, тучи, тучи
Пыли и песка,
Даже днем - ни лучика,
Ветер и тоска.
Суховой свирепый
Пять ночей и дней...
Ухожу от бедствия
В думы о тебе.
Огонек лампы
Никнет и дрожит...
Лишь одной отрадой
Сердце дорожит,
Лишь одну жемчужину
Сердце бережет
В зное, в лютой стуже
Горя и забот.
Здесь вдали от дома
Среди овчих стад
Я – тоски обломок...
В памяти болят
Губы твои нежные,
Плен любимых рук,
Встречи наши прежние,
Мгла разлук.
Взгляд по-детски робкий,
В этой мгле...
Словно день короткий
Семь тяжелых лет.
Помнится Лавана
Бегающий взгляд,
Ночь его обмана,
И наряд -
Покрывало легкое,
Каверзная ложь...
Прошлое далеко -
Не вернешь.
Ветер, ветер, ветер,
За стеной шатра.
Думы до рассвета,
Думы до утра.
Никуда не деться...
Но во мгле
Согревают сердце
Думы о тебе.

Рахиль – Иакову:

Небеса наклоняются ниже
И светло улыбаются нам.
Я тебя никогда не обижу,
Я тебя никому не отдам.
О тебе не устану молиться
В шуме дня и в полночной тиши,
Сердце трепетной ланью стремится
К родникам твоей светлой души.
Наша дружба в суетности буден
Как нечаянной радости храм.
Я тебя никогда не забуду,
Я тебя никогда не предам.

Иаков – Лие:

Прости за боль, прости за ад
Непринятой любви,
За то, что твой Едемский сад
Не стал моим.
Прости за то, что не могу
Боготворить тебя,
За то, что у другой в плену
Оставил сердце я.
В лачуге, в зыбком шалаше
С ней – рай, а без нее
В моей тоскующей душе
Все глухо и темно.
С тобой и во дворце – тоска,
А с ней безумно жизнь
Стрелою мчится у виска
В безоблачную высь.
На миллиметр от пустоты,
В которой окажусь,
Когда останешься лишь ты...
Когда ее лишусь.

Иаков – Рахили:

Ева моя, единственная
Греза, мечта и быль,
Ева моя единственная
По имени Рахиль.
Я как Адам когда-то,
Как праотец Адам,
Все за тебя родная,
Все за тебя отдам.

Вечный Господь, наверное,
Думает, что нельзя
Так посвящать любимой,
Сердце свое, как я.
Думает Он, пожалуй,
Не стоит так рисковать,
Как Исав ради плоти
Все, что есть продавать!
«Вот, я умираю!» -
Брат мне сказал тогда...
Я тоже умру, любимая,
Оставшись без тебя.
Нужней насущного хлеба,
Желанней глотка воды,
Нужнее, чем свет и воздух
Усталому сердцу ты!

Рахиль – Иакову:

Размытый сумеречный свет
Струится над землей...
Уже не вспомню сколько лет
Мы празднуем с тобой
Свою любовь как вечный пир...
Как будто бы вчера
Ты подарил мне целый мир
Под пологом шатра,
В который ты вошел ко мне,
Обманутый отцом,
И плакал о заветном дне,
О том, что не вдвоем
Мы праздновали в той ночи
Священную любовь.
Во мне до сей поры звучит
Тех ран немая боль.
Когда-то ты жалел о том,
Что старше брат, чем ты,
И первородного закон
Лишал тебя мечты
Наследовать как патриарх
Любовь Творца веков.
Но ты дерзнул сквозь боль и страх,
Попрять закон основ.
Я не сумела сделать так,
И плакала в шатре,
Что я не старше, чем сестра,
Что мне нельзя к тебе.

Иаков- Рахили:

Имя твое, как заветное заветное
В джунглях безрадостного бытия,
Хрупкая радость, задумчивость светлая,
Тихая, горькая тайна моя.
Непостижимое скрытое таинство,
Счастье с тревогой переплелось.
Солнечно нежность в глазах твоих плавится,
Как защитить от страданий и слез
Трепетную горлинку - твое сердце?

Рахиль – Иакову:

Я тебе расскажу, как рождается ветер,
Как устало роняют дожди облака,
И о том, как в пустынях теряются реки,
Умирая в бесстрастных объятьях песка.

Я тебе расскажу, как влюбляются звезды,
Не имея надежды покинуть орбит,
И о том расскажу, как страдания бесслезны,
И о том, как случайная радость болит.

Обо всем, что во мне, что вдали или рядом,
Обо всем, чем прекрасен наш сказочный свет
Я тебе расскажу не словами, а взглядом
И касаньем руки и движением век.

Иаков – Рахили:

Есть в жизни у меня награда -
Улыбка светлая твоя,
В ней отзвук подлинной отрады
И горечь тайная слышна.
Она летит душе навстречу,
Когда встречаются глаза,
В ней слиты праведность и грешность,
В ней блики радости дрожат,
Сквозит чуть слышная тревога,
И я, тоскуя по тебе,
Благодарю в молитве Бога
За нашу встречу на земле.

Рахиль – Иакову:

Именем нежным твоим словно светом
Сердце согрето, согрета душа,
Плавятся звезды, и горечь рассвета
Пьют небеса, не дыша.
Сердце, согрето в чуткой ладони
Птицей ручною трепещет, не спит.
Счастья лучами, оттенками боли
Радость - беззвучная песня звучит.
Шелестом ветра, тоской листопада
Мимо плывут времена без конца...
Не оторвать воспаленного взгляда
От дорогого навеки лица.
Стаи предчувствий тревожно роятся,
В небе - застывшая мука зари.
Время идет, но с тобою расстаться
Нет не желанья не сил.
Так поцелуй же устало и нежно,
Коль расставанье как смерть неизбежно.

Иаков – Рахили:

Свет солнца землю обогрел,
Прозрачен небосклон...
Всю ночь я грезил о тебе,
Твой плен – как сладкий сон.
Приговори меня к себе,
Навечно, навсегда.
Приговори меня к себе
Как к смерти на века.
Приговори меня к себе,
Как к жизни – до конца,
Так, чтобы ты одна в судьбе
Царицею была
Моей измученой души
Изгнанника, раба,
Который жалко жизнь влачит
В чужих ему краях.
Приговори меня к себе
Как к родине, где я
Забуду жгучий привкус бед,
Все скорби бытия.
Приговори меня к себе
Как солнце к небесам,
Как берег к трепетной волне,
Как к ветру – паруса.
Парят свободные орлы
В небесной синеве...
Как жертву к острию стрелы
Приговори к себе.

Рахиль:

Однажды как всегда на травах влажных
Зажгутся искры в капельках росы,
И солнца свет согреет камень каждый,
И я вдохну все запахи весны
В последний раз...
Однажды как всегда проснуться птицы
Вначале вновь родившегося дня,
И сад родной их пенем огласится,
И взгляд любимого благословит меня
В последний раз.

Иаков:

Полоска заката
у тихой воды
Полжизни до счастья, и миг
до беды...
Полжизни до счастья,
до права любить,
Полвздоха до губ,
без которых не жить...
Полвздоха до мрака,
в котором обман...
Пирует довольный собою Лаван.
Полвзгляда до правды...
Забрезжил рассвет.
Здесь глаз твоих нет,
и рук твоих нет.
Полшага за легкую полу шатра -
Не мил белый свет
и жизнь не мила...
Все это воскресло
в сознание сейчас,
В немыслимо горький
и проклятый час.
Полжизни до счастья
и шаг до тоски...
Курятся в пустыне сухие пески.
Полжизни до счастья,
а счастье —
лишь миг
Пронзительный
словно нечаянный крик
Неведомой птицы
в безбрежной ночи.
Скажи мне хоть слово.

Скажи,
не молчи!

Полоска заката
за далью степей,
Полшага всего до родных алтарей,
Всего полпути
до тенистых дубрав,
Где ты отдохнула б
в просторных шатрах,
В которых я вырос.

Ты слышишь меня? -
Всего-то дороги осталось
полдня.

Скажи, ты мне веришь? –
Не смей уходить!

Я просто не в силах
остаться и жить
На этой земле
один
без тебя,

Полжизни один,
никого не любя,
Полжизни во мгле
как холодный мертвец...

Неужто Ты этим доволен,
Творец?

За что же мне выпало
дважды терять
И дважды оплакать,
любви благодать?!!

Полвзгляда до правды.
Забрезжил рассвет.

Под небом бесцветным
тебя
больше нет.

Полоска рассвета
у самой земли.

Полвздоха до мрака,
полмига до мглы.

Полмига до скорби,
объявшей меня,

Полмига до самого черного
дня...

Послесловие

Именно так, именно так
уходят из жизни любимые в мрак.
Уходят навек, не успев досказать
Важного самого.
Именно так, не успев домечтать,
Друга прощальным движеньем обнять

Близкого самого.
Именно так, не простившись ни с кем,
Не разрешив неотложных проблем,
В вечность разлуки
 внезапно бегом,
Словно в метель без пальто,
 босиком
В ночь из уютной надежности стен
В голую степь...
И бесполезно кричать: «Подожди!»,
Раны следов остудили дожди,
Льды оковали, снега замели
В лунных просторах за кромкой земли...
Важного самого не досказав,
Близкого самого не приласкав,
В вечность седую,
 в безбрежность и мрак -
Именно так...
 Именно так...

Иаков – Рахили:

Позволь мне помнить тебя
Доколе звезда в ночи -
Дрожащая капля огня -
Прозрачным светом звучит.
Позволь мне помнить тебя
Без всяких веских причин
И до последнего дня,
Покуда сердце стучит.
И через тысячу лет,
Когда во прахе земном
Растает последний след
Сердца моего,
И через тысячу лет
Во мгле небытия,
И через тысячу лет
Позволь мне помнить тебя.

Сказание о древнем змие

поэма

*Гале и Оле
в память
о нашем детстве.*

Пролог

Истоки жизни на планете
Окутаны забвенья мглой.
Дрожащей старческой рукой
Дал Моисей не все ответы.
Быть может, мне простит читатель -
Взыскательный эстет-мечтатель
Сюжета вялое движенье,
Неверное воображение,
Чадающую избитость рифм
Как наш язык седых и древних,
Слог иногда не в меру нервный
И этот безыскусный ритм.
С младенчества в душе осталась
Знакомых образов усталость,
В них вчитывались вы и я, -
Один абзац из Бытия...
Скупой нерадостный рассказ
Трагичной краткостью горчит,
И ангел каждого из нас
О днях тех помнит, но молчит.
Сказанья про летучих змей,
Их мудрость живы во языцах...
Хотя нам рай почти не снится, -
Ад и привычней и родней,
Нас страхи древние смущают,
Корнями в нас выросли они,
А старцы мудрые вешают,
Что змеям женщины сродни.
И каждого из нас как в старь
К запретному манит и тянет,
Кладем мы судьбы на алтарь,
Любой из нас с собой лукавит,
И забываем потому,
Что все мы, дети грешной Евы,
Змеей ужалены в пяту
У проклятого небом древа.

Часть I.

Как долгий поцелуй Адама
Горела на небе заря,
Ее бушующее пламя,
На тонких облаках паря,
Переливалось в теплых водах
Реки, лежащей впереди,
По саду Ева шла на отдых
И змея грела на груди.
Змей был мудрее всех зверей,
Всех преданней и всех прекрасней,
Любимец Евы, он за ней
Летал, ей радостно подвластный,
Садился нежно на плечо,
В зной оведал ее крылами
И пел едва ли не словами
О преданности горячо.

В огромный золотой бутон
Свивались трепетные крылья,
Когда, в кольцо свернувшись, он
Спал в разнотравном изобилие.
И этот радужный цветок,
Дремающий в блаженной лени,
Ложила Ева на колени.
Тепло ее волшебных ног
Он помнил всей прохладной кожей
И понимал, что он не сможет
Жить без нее. Он ревновал
Ее ко всем другим животным
И расставался неохотно,
Когда Адам супругу звал.

Имел и змей свою подругу,
В гнездо к ней на ночь прилетал,
Где та спала, свернувшись кругом,
На теплых яйцах среди скал.

Хор ангелов:

*Прекрасна дивная земля!
Святое огненное слово
Из уст Создателя Благого
Сошло, - и расступилась мгла.
Прекрасна дивная земля.
Все дышащее Бога славит,
Рожденный духом вечных уст,
Мир более уже не пуст,
Он свет и жизнь и радость дарит,
Рожденный духом вечных уст.*

*Прекрасна дивная земля -
Звучит ее лугов дыханье
И гибких лоз благоуханье
Как бессловесная хвала.
Прекрасна дивная земля!
Все дышащее Бога славит,
И чудо жизни – человек
У перекрестка райских рек
Святые тайны постигает,
Подобье Божье - человек.*

Был день, когда подруга змея
Спустилась к Еве вниз со скал,
Гнездо свое ему доверив,
А он, конечно, заскучал.
И темный дух, заметив это,
Склонившись к змею, зашептал:
Послушай змей, я ангел света,
Я сонмы Божьи осенял.
Я обитал у трона Бога,
Пришел сюда, взглянуть на вас,
И вправду чудного здесь много,
Ты радуешь особо нас.
Я думал о тебе немало,
О людях много размышлял,
И не без умысла, пожалуй,
Господь их разными создал.
Вот Ева, - как она наивна
И, в то же время, как сложна!
Она, - мне это было дивно, -
С тобой особенно нежна.
Ты очень мудр, она не знает,
Что мудрость - сердце Божества,
Ей явно неба не хватает.
Адам - земного естества.
Природа Евы совершенней
Его дремучей красоты,
Она - изящество и гений,
Предел Божественной мечты.
Ты мог бы ей открыть мышление,
Снять плен невидимых оков,
Она - венец венца творенья,
Ей место там, среди Богов,
Не здесь в Едемовой глуши,
Где муж ее не понимает,
Корыстно ею обладает,
Он просто не воспринимает
Всех тонкостей ее души.
О, если бы ты согласился
Дать делу нужный оборот,
То мой бы дух в тебя вселился

И Еве указал на плод,
Который даст тебе дар речи,
Ее неведение излечит,
Отверзнет твой могучий ум
Для чувств неведомых и дум.
Плодами этими ты сможешь
Приворожить ее к себе...
Не думай, что ты мне поможешь,
Я сам хочу помочь тебе.
Она забудет всех зверей,
Всех птиц в бездонном поднебесье
И их залиvistые песни,
Ты будешь властвовать над ней,
Учить ее глубинам смысла...
Ты знаешь, что такое страх?
А что такое дерзость мысли?
Свобода, власть?.. О, жалкий прах,
Как ты красив, но как бесправен,
А станешь человеку равен,
Узнаешь тайны их души...
С твоей ли мудростью, скажи,
Жить среди прочих тварей глупых,
Быть бессловесным как они,
С твоей ли красотой дни
Терять на каменных уступах
Вдали от Евы дорогой
И мнить, что кто-нибудь другой –
Олень, бессмысленная птица
Или коварная лисица
Берут еду из теплых рук,
Покорно следуют за нею,
А ты, ее достойный друг
Грустишь один в тени аллеи.
О, если б ты мог говорить
И услаждать ее беседой,
Ей мудрость вещую дарить
И наслаждаться сам победой
Над многочисленным зверьем,
Она ни ночью и ни днем
Не расставалась бы с тобой.

Хор ангелов:

*Свят, свят, свят
Господь великий,
Бытия исток и смысл.
Духом уст и светом Лица
Он живущим дарит жизнь.*

*Свят, свят, свят
Источник правды,
Полный трепетной любви.*

*Нет Ему под небом равных,
Тайны жизни Он хранит.*

*Свят, свят, свят
Родивший вечность,
Излучая мир и свет,
Он живущим дарит нежность
И хранит от зла и бед.*

Часть II.

Суббота близилась, и демон
Чуть свет - опять летел к змее,
А тот понуро на земле
Лежал, не занят больше делом.
Все думал, думал день за днем,
Не спал, не ел, гнездо остыло,
Все как-то странно опостыло.
В нем рос неведомый огонь.
Он представлял себя и Еву,
Она идет туда, ко древу.
Он ждет ее и вот, уста
Раскрыв, негромко молвит слово,
Еще одно и снова, снова...
Она безрадостна, грустна,
Светлеет, внемлет без сомненья,
Он говорит ей о любви
И о глубинах разума,
Но вот откуда-то Адам
Пришел, уводит Еву к дому,
Она идет за ним сама,
Он говорит: "Я не отдам
Познанию доброго иль злого
Ее спокойного ума,
Прочь, прочь коварная змея,
Я не отдам, она моя!"
И злоба горькая как яд
Еще неведомый дотоле
Переполняет чашу боли
И отравляет змея взгляд.
А дух нечистый тут как тут:
"Согласен, что же, я войду!
Жаль настает суббота, поздно,
Сюда идет Всевышний Сам.
Бежать, скорей!
Он здесь!
Он там...
Он дышит мстительно и грозно!
Я снова буду здесь в саду
Когда окончится суббота,
Начнется царская охота,

Ты слышишь, я сюда приду.
Запомни, ты уже согласен
И больше над собой не властен.
Лишь Бог оставит это сад,
Твоим я овладею телом,
И вместе мы займемся делом,
Устроим вместо рая ад.

Хор ангелов:

*Приди, суббота, день покоя,
Подарок вечного Творца,
Пусть Он нам чистый смысл откроет
И явит свет Его лица.*

*Приди, суббота, как спасенье
От суеты и тяжких дум,
Спаси от страха и смятенья
И оживи усталый ум.*

*Приди, облегчи наше бремя,
Приди глотком живой воды,
Приди, пока еще есть время,
Приди, спаси нас от беды.*

*Приди суббота с ликованием,
Раззолоченная зарей,
Соедини в нас упованием
Свод неба с маленькой землей.*

*Приди в бессмертном вечном Слове,
Надежду в сердце зарони,
От воскресенья к мукам новым
Нас защити и сохрани.*

Часть III.

На камень уронив главу,
Понуро, горько и бессильно
Змей, распластав большие крылья,
Смотрел на Еву сквозь траву.
Светились мудрые глаза
Предпокаянною тоскою,
Такой беспомощной виною
И обреченностью такою,
Что вдруг прозрачная слеза -
Никем не ведомое чудо -
Скатилась горестно и чуждо
Счастливой гамме тех времен.
Предчувствием обременен
Змей занемогший, безучастный
Желал единственного счастья -

Прикосновенья легких рук.
В нем рос мучительный недуг
Сомненья душного и страха,
И мнился тленный запах праха,
Звучал таинственный минор,
Как будто похоронный хор
В нем отпевал красоты мира,
Как будто ангельские лиры,
Все разом струны оборвав,
Последним эхом замирали,
И блики солнца умирали,
Чтоб не воскреснуть никогда.
Кончалась краткая суббота,
На небе первая звезда
Всходила. Горькою заботой
Убитый змей в траве лежал.
И, не умея смерть назвать,
Желал не быть, не жить желал,
Но продолжал существовать...

Она зовет, зовет и ищет,
Прислушалась... Подходит ближе,
Он затаился, он не дышит
Увидела! Все ниже, ниже
Ее лучистые глаза,
В них непонятная тревога...
Зовет Адама громко, строго,
Он откликается, бежит,
все сумрачнее небеса,
Последний луч зари дрожит...
Нет силы даже приподняться,
Как рассказать ей, как признаться?
Вот, вот она ее ладонь
Его коснулась: "Что с тобою?
Иди ко мне..." Он головою
Повел... И вдруг немой огонь
И лихорадочно и страстно
Мелькнул в его глазах, погас,
Он слепо, тупо, безучастно
Уткнулся в камень... Столько раз
Воображая с упоеньем
Тепло ее прикосновенья
Он первый раз устал желать
И с трепетом блаженным ждать,
Устал любить, устал летать...
И только ангелы могли
Расслышать чуждые аккорды,
Что в сердце крохотном змеи
Звучали зыбко и нетвердо.
Но, глядя пристально в зрачки
Своей обманутой богине,
Он понимал, что не покинет

Ее в безрадостной ночи
Непониманья и незнания.
Ее наивное сознание
Коснется тайны бытия.
Богиня Ева и змея
Прервут слепое прозябанье
Недель убогих и минут
И за чертою послушания
Свободу мыслить обретут.

Хор ангелов:

*Не уходи от нас, суббота,
В лампадах, свет, не угасай,
Нас от самих себя спасай
И от безрадостной заботы...
В лампадах, свет, не угасай.*

*Не уходи, суббота-милость,
Продли сияние Божьих вежд,
Не умирающих надежд
Звезда над миром засветилась,
Продли сияние Божьих вежд.*

*Не уходи, покой и радость,
Не уступай бездонной тьме,
Над самой пропастью во мгле
Всем обреченным Божью благодать
Яви, не уступая тьме.*

*Не уходи, невеста-вечность,
Дай нам еще последний миг,
Вглядевшись в дивный Божий лик,
Преодолеть неверья грешность.
Дай нам еще последний миг.*

Часть IV.

Наутро было решено, -
Он дал ответ чужому князю,
И стало веселее сразу,
И смерти не произошло.
И что он так себя измучил
Бессмысленной пустой борьбой?
Зачем ей вечно быть рабой?
Богиней быть, бесспорно, лучше.
Вот он настал счастливый случай.
Она идет к нему одна
И слышит мелодичный голос.
Похоже, даже не боролась
В ее душе любовь и тьма.

Похоже, что всему поверив,
Она запретный вкусит плод
И, успокойтесь, - не умрет, -
Удары сердца время мерят...
Он ждал, как ждет удачи вор
Без колебаний и сомнений,
Ее шагов, ее движений.
Холодный волевой напор
Изжил тревогу и тоску,
Как хищник, что готов к прыжку,
Всем телом он к стволу прирос...
В ее глазах дрожал вопрос
И озорное любопытство,
Сияли тонкие персты,
Златым подобьем Шехины,
Светясь, струился мягкий волос...
Когда ж прекрасные уста
Коснулись грешного плода,
Змей "совершилось!" закричал
И свой волшебный звучный голос
В тот миг на веки потерял.

Потом настал холодный мрак,
Похожий на могильный холод,
И в тучах грома гневный молот
Не предвещал чудес и благ.
Тьма с вспышками огня боролась,
Гроза сверкала в небесах,
В окрестных рощах и лесах
Звучал и плакал Божий голос.
Но сердцу верному змеи
Страшнее боли и проклятий,
Страшней потерь и мглы объятий,
Страшней всех перемен земли,
Страшнее всех грядущих бед
Была потеря дружбы. Нет
того уже, что было прежде.
Враждой холодной свет и нежность
Сменились в радужных глазах
Божественно прекрасной Евы.
Она оставила у древа
Целительный любви бальзам.
Больной бескрылый инвалид,
К ногам хозяйки он стремится,
Она бежит, она боится,
Она в безумии кричит.
Конечно, он - бесцветный червь, -
Бессильный петь былые песни, -
Смеются чайки в поднебесье,
Он волочится словно вервь
По праху, где стопы родные
Следы оставили. Уныло

Он ищет встречи день за днем,
Но не заботится о нем
Хозяйки сердце ледяное.
И боль и ревность - все пустое.
Ее уста - холодный меч.
Он понимал людскую речь,
Но никогда отныне больше
С ним Ева не заговорит.
Адам пытается убить
Его при встрече. Он назойлив
Не будет больше. Хватит боли.
И, ускользнув в туманный вечер
От каменного топора,
Он ясно понял, что пора
Оставить ждать любви и встречи,
Как эту горечь одолеть? -
Гораздо проще умереть.

Вблизи болота, в царстве жабьем,
Где жабы плачутся по бабьи,
Где не востребована мудрость,
Он наблюдал их мысли узость
Недели, месяцы и годы,
Привычны стали мгла и холод
И одиночества тюрьма, -
Он понял, что сошел с ума...

Хор ангелов:

*Господи, помилуй нас,
Господи, помилуй.
Жизнь темна, как смертный час,
Господи, помилуй!*

*Господи, помилуй всех,
Господи, помилуй.
То, что с нами сделал грех,
Хуже тьмы могильной!*

*Господи, помилуй же
Человека, зверя,
Птиц в бездонной вышине,
Травы и деревья!*

*Господи, помилуй нас!
Возврати нам радость,
Жизнь темна как смертный час,
Веры не осталось.
Господи, помилуй нас!*

Эпилог

В больничном темном коридоре,
Где воздух болями пропах,
Сидела Ева в нимбе горя
С дебильным сыном на руках.
Беспомощность в халате белом
Сквозь безнадежности очки
на них устало и несмело
Глядела, как глядят врачи.
А змей аптечный у порога,
Сжав чашу мук в живом узле,
Шипел, что мудрыми как Боги,
Рождаться стали на земле,
Что наши гибнущие рощи
Ничуть не хуже чем Эдем,
И что в подземном царстве мощей
Жилого места хватит всем.
В психиатрических покаях
Чуть слышно стрелки на часах
Считали маленьким изгоям
Их горьких весен чудеса,
И дети те не разумели,
Что значит жизнь и смерть, и грех,
Что над безумным смехом змея
Голгофский крест одержит верх.